

1.2. ОЦЕНКИ ПОТОМКОВ

М. Д. ХМЫРОВ

**Царь Алексей Михайлович и его время. 1629–1675.
(Нравоописательный очерк) ***

I

Взгляд на царствование Алексея Михайловича. — Задачи настоящего очерка. — Рождение Алексея Михайловича. — Придворные празднества по этому случаю. — Подарки новорожденному. — Крещение царевича. — Благословения царя и воспитателя. — Мамы и кормилица царевича. — Снятие первых волос. — Потехи и игрушки. — Дядьки и двор царевича. — Начало ученья. — Букварь того времени. — Награды наставникам. — Воспитание царевича. — Первое появление его народу. — Библиотека. — Кончина царя Михаила Федоровича и вступление на престол Алексея Михайловича

Для историка наблюдателя, царствование Алексея Михайловича имеет значение важное, потому что при этом царе совершился поворот от старых начал к новым, поворот, разумеется, не столько крутой, как при сыне Алексеевом, императоре Петре I; но все-таки повлиявший на главные основы внутреннего государственного строя России. Довольно заметить, что в царствование Алексея пало общинное самоуправление, перестал существовать народный самосуд и русские люди, волей-неволей, начали втягиваться в неведомые и несвойственные им порядки централизации. Кроме того, не подлежит сомнению, что царь Алексей своими реформами не только подготовил, но и облегчил значительно дальнейшие реформы императора Петра, который поэтому не представляет явления, стоящего одиноко. Величавость реформ Петровых, сравнительно с реформами его отца, зависела, в сущности, от разницы в личных характерах, способностях и средствах самих реформаторов, потому что ни состояние русского народа, ни положение его соседей в Европе

* Статья эта, оставшаяся после покойного М. Д. Хмырова в рукописи, осязательно сообщена нам В. П. Печаткиным¹.

и Азии, ни, так называемый, дух времени, не благоприятствовали императору Петру больше, нежели царю Алексею. Осторожный, умный и набожный отец, сделав что мог, предоставил энергическому, гениальному и свободомысливому сыну делать также, что может, — и оба они выполнили свою историческую задачу.

Приводить полный перечень всех фактов царствования Алексея, в их хронологической последовательности и надлежащей подробности, не дозволяют самые пределы нашего очерка. Он имеет целью напомнить только те факты из жизни и царствования Алексея Михайловича, в которых отразилась, больше или меньше рельефно, бытовая сторона русского обихода того времени, — как среда, воспитавшая в Алексее Михайловиче человека и царя. Очерки такого рода, по нашему личному мнению, знакомят с предметом ближе и оставляют впечатление целостнее, нежели обширные, безукоризненно-верные и, пожалуй, связно-изложенные трактаты о событиях известного царствования. Что касается царствования Алексея, то полная картина его, которой не успел начертать Карамзин, изображена уже почтенным историком нашим, С. М. Соловьёвым*. Кроме того, в разное время, издано немало документов, относящихся к тому же царствованию. Из всех этих пособий нам остается только выбирать пригодное для нашего очерка, держась единственно достоверности исторической, что и постараемся мы сделать.

Царь Алексей Михайлович, старший из трех сыновей** царя Михаила Федоровича, от второго брака с Евдокией Лукьяновной Стрешневой, родился в Москве, 10 марта 1629 г.***, о чем современная дворцовая записка гласит так: «137 (7137 = 1629) году, марта в 10-й день, во вторник, в 8 часу ночи, на память святых мученик Кондрата и иже с ним, благоверному государю царю и Великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руссии с его благочестивою царицею и Великою княгинею Евдокею Лукьявною даровал ему государю Бог сына, царевича князя Алексея Михайловича, а имя ему нарекли от рожения в 8-й день, марта 17 число, преподобнаго отца нашего Алексея человека Божия. Того же дни (10-го марта) указал государь послать с вестью жильцов**** к боярам и окольниковым

* История России с древнейших времен. С. Соловьёва. Томы X, XI и XII.

** У царя Алексея Михайловича были еще два брата, царевича: Иван, р. 2 июня 1633 г. † 10 января 1639 года, Василий, р. и † в один и тот же день, 25 марта, 1639 г. Погребены в московском Архангельском соборе.

*** День рождения царя Алексея указывается различно: 9, 12 и 17 марта. Мы руководствуемся документами официальными.

**** Жильцы 7-я из 8-ми степеней русского до-Петровского чиновачалия находились только в Москве. Производились в стряпчие.

и к думным дворянам; а велел им сказать свою государскую радость, что ему государю Бог дал сына царевича князя Алексея Михайловича. Посылан к Кизылбашскому (персидскому) послу пристав князь Роман Пожарской, что Бог дал государю царевича»^{*}. Еще прежде всех этих извещений, один из ближних бояр получил наказ объявить «государскую радость» отцу государеву, патриарху Филарету, который прислал тотчас же новорожденному внуку крест с мощами и 150 золотых^{**}. Царица, с своей стороны, послала известить о том же: боярынь, жен окольных и ближних людей, а равно игуменей Вознесенского, Новодевичьего и Алексеевского монастырей. Все эти посланцы получили приличные подарки от тех, кому они принесли «всемирную радость». Не были забыты и места отдаленные: в тот же день во все города и монастыри русского царства повезены нарочными гонцами, так называемые, «богомольные» грамоты^{***}. 11 марта, т. е., на утро после рождения царевича Алексея, царь Михаил, в сопровождении всех чинов двора, имел выход к торжественному молебну в Успенский собор. Там патриарх, дед новорожденного, совершил соборное служение, поздравлял государя с новорожденным сыном, а своим внуком. Бояре и прочие чины также «здравствовали государю», при чем один из самых почтеннейших произносил от лица всего синклита² поздравительную речь. Из Успенского собора, царь Михаил, под звоном всех московских колоколов, обошел все кремлевские соборы и монастыри (между которыми находились тогда подворья: Троицкое и Кирилловское, не существующие теперь), и через собор Благовещенский прибыл в столовую палату, потом в переднюю, где жаловал «для всемирной радости, водкою, разными медами и фряжскими винами: ренским, романсею³, и др. бояр, окольных и всех дворовых чиновников; раздавал им коврижки, разные овощи, яблоки, дули⁴, груши и «взвар» — такие-же особенно приготовленные в патоке овощи^{****}. В тот же день государь ходил по тюрьмам и монастырям, оделяя деньгами узников, чернецов и нищих. На следующий день, отправлен «родинный» стол^{*****}, по окончании которого тут же,

* Дворцовые разряды по Высшему повелению изданные II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, т. II (с 1628 по 1645 г.). С. П. Б. 1851.

** Забелин. Домашний быт русских царей прежнего времени. Статья V. Отечественные Записки 1854 г. № 1. Отд. II, стр. 4, 9.

*** Собрание государственных грамот и договоров, ч. III, № 79. Изд. 1822.

**** Забелин. Домашний быт царей русских. Отечественные Записки, 1854 г., № 1, стр. 5.

***** Дворцовые разряды. Т. II, стр. 40–44.

в Грановитой палате, были поднесены новорожденному царевичу первые дары, перечисление которых тем любопытнее, что оно может служить верным мериллом материального благосостояния даривших. Так, именитые люди, Андр. и Петр. Сем. и Ив. Максимовичи Строгановы поднесли царевичу: 4 серебряные кубка, в которых весу было пол-пуда, ценою на 100 р., золотных атласов и бархатов на 165 р., 4 сорока соболей, в 255 руб., всего на 520 руб., и, сверх того, 100 золотых*. Гости и гостиная сотня, все вообще, ударили челом⁵: 4 серебряные кубка, весом в 22 ф. на 110 р., атласов и бархатов на 165 руб., 4 сорока соболей⁶, на 158 р., всего на 433 р., и, сверх того, 200 золотых. Суконной сотни тяглецы⁷ поднесли: 3 кубка, весом в 7 фунтов на 35 руб., атласов и бархатов на 92 р., 3 сорока соболей в 117 р., всего на 244 р., и 30 золотых. Посадские люди устюжане — 2 кубка в 32 р., 2 атласа в 70 р., 2 сорока соболей в 70 р.; посадские люди, нижегородцы — кубок в 10 р., атлас в 30 р., сорок соболей в 55 р., и 50 золотых; казанцы — кубок в 45 руб., атлас в 35 р., сорок соболей в 55 руб. Московской конюшенной слободы старосты и тяглецы — 2 кубка и 2 сорока соболей на 60 р. В той же соразмерности подносили посадские других городов и старосты с тяглецами московских черных слобод, — разумеется, по раскладке, сообразно промыслам и прожиткам каждого. Из всех этих даров, у новорожденного составлялась собственная казна, так что у царевича Алексея, 12 марта 1629 г., одних соболей в сборе было около 50 сороков, на 2, 200 р. Эта «соболиная казна» — по «Книге 7137 (1629) года, а в ней писан приход государя царевича князя Алексея Михайловича казне марта с 12 числа, как он, государь родился»** — тогда же была отдана московским, торговым людям, «а велено им теми собольми с кизылбашским купчиною с Моллар-ахметем торговать, на деньги и на золотые и на ефимки⁸ продавать и на всякие кизылбашские товары менять, чтоб государеве казне была прибыль, а не убыль»***.

О крещении царевича Алексея, современная дворцовая записка сообщает следующее: «Месяца марта в 22 день (1629 г.) ходил Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всеа Русии в Чюдов монастырь⁹, для крещения сына своего Царевича и Великаго

* Золотые эти не должно считать червонцами; ценность их не была велика. Они стоили: золотой угорский (венгерский) 10½ денег; корабельный (корабленик) — Залтына 3 деньги; португальский скрестом — 17 алтына 3 деньги. Золотникоценивался в 13 алтын 2 деньги.

** Этот-то оборот речи о 12 марта и вводит в заблуждение тех, кто полагает, что царь Алексей родился в это число.

*** Архив оружейной палаты. Книга № 747.

Князя Алексея Михайловича. А крестили его Государя Царевича от рождения его во 2-е воскресенье*, в Чюдове монастыре, у Алексея чудотворца в трапезе. А Государь Царь и святейший государь патриарх были тут же; а восприемник Троицы Сергиева монастыря келарь старец Александр Булатников, а восприемница Ирина Никитична (Годунова)**; а крестил Благовещенский протопоп Максим Максимов, Государев Царев духовник. А из каптаны (кареты) к крещению и от крещенья к каптане царевича несла Ирина Никитична, да с нею два боярина, а за ними боярин с 30. У каптаны у царевича велел (царь) идти боярину Федор Ив. Шереметеву, да дворяне (поименовано 9 человек). А святою водою кропил по пути царевича от Рожества с Сеней поп Иван Старой. Того же дни у Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Руси, был стол, в столовой избе; ел у государя отец его государев, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руси», и проч.*** Из другой современной же дворцовой записки видно, что царь Михаил Федорович «благословил сына своего государя царевича Алексея Михайловича, как он, государь, крестился: крест золотс мощми, на кресте резано распятие Господа нашего Иисуса Христа, наведено чернью, во главе у креста камень изумруд, у главы в закрепке два зерна жемчужных, назади креста подпись: *животворящее древо, ризы Христовы часть, млеко Пречистые Богородицы, мощи Ивана Предотечи, мощи Григория Богослова, мощи Ивана Златоустого, миро Дмитрия Стратотернца, миро страстотернца Георгия, мощи мученика Никиты, мощи Великого Василия, мощи Андрея Первозванного, мощи Евангелиста Матвея, мощи Апостола Варфоломея, мощи Якова Перского, мощи Тихона Чудотворца, мощи Феодора Стратилата, мощи Михаила Малейна, мощи преподобные Евдокеи, мощи Георгия Нового, мощи бессребренника Козьмы, мощи бессребренника Дамьяна, ризы и гроба и раки часть Сергия преподобного, мощи царевича Дмитрея зуб*¹⁰. Повелением великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Руссии самодержца, сделан сей крест 137 в 16 лето государства его». Восприемник царевича, Троицкого монастыря келарь Александр, благословил: «крест золот с мощми, во главе у креста Спасов образ и на кресте Распятие литое, по кресту на спнех 22 зерна жемчужных, 4 яхонта лазоревы, 3 лала, 16 искорок яхонтовых червчатых¹¹; около креста подпись: *древо от ваия*¹², *камень гроба Господня, неопалимые купины, миро Дмитрея Селунского; мощи*

* Еще доказательство рождения царя Алексея 10 марта, во вторник.

** Сестра патриарха Филарета, двоюродная бабка царя Алексея.

*** Дворц. разр., т. III, стр. 51–54.

*первомученника Стефана, древо Моисеева жезла, риза и млеко и трава Богородицы, древо животворящее, мощи Иоанна Златоустого, мощи Луки Евангелиста, мощи Ивана Милостивого, святость царя Константина, от риз из гроба Чудотворца Сергия часть»**.

По крещении царевич Алексей, в силу тогдашнего обычая, был внесен восприемницей на верх, т. е. в женский терем царского дворца, и представлен царице-матери, которою передан с рук на руки «для досмотру», той же восприимнице, Ирине Никитичне Годуновой, наименованной мамою новорожденного царевича. Под непосредственным начальством этой мамы (замененной, впоследствии, другою, Ульяной Степановной Собакиной)**, находились: кормилица царевича «приборная» из десяти или больше кандидаток на это звание, «жена добрая и чистая, и млеко сладостная, и здоровая», засвидетельствованная к тому же особой сказкой своего духовника в безукоризненной нравственности; казначея, ведавшая казну царевичеву, т. е. белье, платье и разные другие вещи; наконец, пять постельниц, должность которых объясняется самым названием. Окружаемый попечениями этих приставниц, царевич пробыл в верху, почти бессходно, целые пять лет, из которых весь первый год его не отнимали от кормилицы: «а как год отойдет, и ежели та жена (кормилица) дворянского роду, мужа ее пожалует царь на воеводство в город или вотчину даст; а подъяческая, или иного служивого чину, прибавит чести и дадут жалованья не мало; а посадского человека, и таким потому ж дано будет жалованье не малое, а тягла и податей на царя с мужа ее не емлют по их живот»***13. При отнятии царевича от груди, ему «снимали первые волоски», что совершалось руками одной из ближайших родственниц — у царевича Алексея, вероятно, руками Ирины Никитичны Годуновой, и составляло духовный обряд, о котором сохранилась, например, следующая официальная записка: «7138 (1630) марта 22 (ровно через год по крещении первенца Михайлова), государеву духовнику благовещенскому протопопу Максиму, 10 аршин камки куфтеру желтой¹⁴, да сорок соболей, а пожаловал государь его за молитву, как государю Царевичу князю Алексею Михайловичу *первые волосы снимали, он молитву говорил*»****. Затем, находили, что пора забавлять младенца игрушками

* Забелин. Домашний быт царей русских. Отечественные Записки. 1854 г., № 1, стр. 12.

** Когда и почему оставила звание мамы Ирина Никитична Годунова — неизвестно. Она умерла в Москве, в 1639 г.

*** Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 1840 г., стр. 14.

**** Дела Казенного Приказа. Книга расходная, № 928.

или, по тогдашнему, «потехами» — и для царевича Алексея было куплено: в 1630 г., в серебряном ряду, три серебряные свайки¹⁵; в москательном ряду¹⁶, — потешные топорки; тогда же имелся вверху «конь, царевичевы потехи, немецкое дело, делан на стоянце на деревянном; на коне седло и войлуки оболочены бархатом червчатым рытым¹⁷; узда и *наперст и пахви*¹⁸ — ремня объяринные (моаровые), оковано медью луженою, стремена медные ж луженые; покровец на седло камка двоелична мелкотравна¹⁹ немецкая»; 21 декабря 1631 г. выданы деньги «пряничного ряда, что на Неглинке, торговому человеку», между прочим, «за 6 голубчиков²⁰ деревянных потешных, по них писано золотом да краски разными»; в 1632 г., приобретены, в охотном ряду, «четыре птички потешных с клетками»; в 1633 г., в потешном ряду, «14 птичек разных для потехи»; ноября 3, в овощном ряду, «куплены царевичу карты немецкия, за 3 алтына 4 деньги»; ноября 19, «с Москвы реки с леду торговому человеку дано за трой санки невелики по 10 денег за санки; а взяты те санки к царевичу Алексею Михайловичу для потехи»; декабря 1 были обиты ему в потеху салазки червчатым сукном, а токарь Федька Степанов делал к барабанцу царевича Алексея Михайловича дубовыя палочки*. Но в том же 1633 г., патриарх Филарет, дед царевича Алексея, умерший 1 октября, не задолго до смерти, благословил своего внука «азбукою, большая печать, на столбце — указ, сверху речь золочена»**²¹.

Однако, царевич начал учиться грамоте только в следующем 1634 г., когда он, 6 января, был передан из ведения мам под надзор дядек: Бор. Ив. Морозова и его помощника Вас. Ив. Стрешнева, пожалованных, при этом назначении, прямо из стольников, первый — в бояре, последний — в окольничие. Этими новыми приставниками царевич Алексей был переведен с Верху в, так называемый, «чулан», особое помещение у хором отцовских. Тут, вместо казначеи и постельниц, царевича окружили 20 молодых стольников, избранных быть товарищами игр и учения царевича, а потом, разумеется, ближайшими сотрудниками его царственной деятельности***. Кроме 20 стольников, к «комнате» царевича Алексея были приписаны: 4 карла, 19 «накращеев» или музыкантов, бивших в «накры» или

* Забелин. Древний быт царей русских. Отечественные записки, 1854 г., № 6, отд. II, стр. 47–82.

** Там же № 12, отд. II, стр. 94.

*** «Книга дядькам и мамам и боярыням верховыми стольникам царевичевым». Временник Имп. Общества Истрии и Древностей Российских. М. 1851 г., кн. IX. Смесь, стр. 46–51.

бубны и игравших в «сурны» и «сиповки», т. е. дудки, наконец, 2 «метальника» или плясуна на канате. Несмотря, однако, на такую обстановку, почти совершенного молодого человека, царевич был все-таки 5-ти летним ребенком, да еще невступно, и не дальше как 7 января 1634 г., т. е. на другой же день по постановке первенца Михайлова на мужскую ногу «куплено в домерном ряду²² для потехи царевича Алексея Михайловича, потешные две домры (род гитар) да рыле» (лиры)*, а 24 ноября, для потехи же царевича куплены «пятеры санки маленькие с облукками, да санки маленькие вырезные». Впрочем, забавы будущего царя всея Руси начинали принимать известное направление, в знамение которого латный мастер немчин Петр Шалт, тогда же, сделал латы 5-ти летнему царевичу Алексею Михайловичу, — вероятно, те самые, которые хранятся и теперь в московской Оружейной палате, надетыми на восковые детские фигуры**. К тому же 1634 г. относится первое, официально известное, появление пятилетнего царевича Алексея не всенародно, что должно было совершиться в свое указное время и с приличным торжеством, но одной дворовой челяди, потому что в книгах, называемых «выходными», читаем под 17 августа: «того-же числа после обеда, ходил Государь с сыном своим Государевым, с Царевичем со Князем Алексеем Михайловичем в Оптикарский сад***, (на Неглинной, где теперь Александровский сад)». Обстоятельство это тем любопытнее, что, после того, имя царевича Алексея не встречается в «выходных книгах», целые 8 лет, до 1 сентября 1642 года, — дня, в который царевич Алексей «объявлен» торжественно народу. Наконец, с 1634 г. началось, положительно, обучение царевича Алексея грамоте, под руководством дьяка Василия Прокофьева, и первая книга, для этого служившая, была — букварь, изданный тогда же Василием Бурцовым, патриаршим дьяком и печатного двора справщиком. Букварь этот, изданный вторично, полагаем, без всяких отмен, в 1637 г. и, вероятно, служивший также книгой первоначального

* Рыле или рыли (играть на рыхлях) — инструмент, теперь забытый, по объяснению очевидца Маскевича²³ «похожна скрипку, но не смычком, а сколесцом, прилаженным по середине; одной рукой кружат колесо и трогают им струны, другой — нажимают клавиши, которых на шейке инструмента находится около 10, каждый нажатый клавиш утоняет звук струны, но игра происходит только на одну ноту». Сказания современников о Димитрии Самозванце. Издан, г. Устряловым, 1854 г., ч. V.

** Забелин. Домашний быт царей русских. От. Зап., 1854 г., № 6, отд. II, стр. 70.

*** Выходы государей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682). Изд. 1844 г., стр. 36.

обучения сына Алексева, гениального Петра, открывается предисловием, которое, рекомендуя самую книгу Лествицею к изучению часовника, псалтыря и других божественных книг²⁴, между прочим говорит, что: «русстии сынове младые дети, первые починают учитися по сей составней словеньстей азбуце, по ряду, словам и, потом, узнав писмена и слоги и изучив сию малую книжицу азбуку, начинают учити часовник и псалтырю и прочая книги». В заключении предисловия помещено стихотворное обращение к детям: «Вы же младыя отрочата слышите и разумеите и зрите сего»:

«Сия зримая малая книжица,
По реченному алфавитица,
Напечатана бысть по царскому велению,
Вам младым детям, к научению...
Ты же, благоумное отроча, к сему внимай,
И от низшия степени на вышнюю восступай,
И не леностне, и не не радиве учися,
И дидаскала (учителя) своего всегда блюдиися...
Первиеначинается вам от дидаскала сей зримый
аз,
Потом и на прочая пойдет вам указ».

Непосредственно за этим предисловием, следует весьма характерное заглавие: *Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания*. Далее, содержание «Букваря» расположено в таком порядке: буквы, склады, названия букв, числа до 10 000, знаки надстрочные²⁵ и знаки препинания, с названиями тех и других, образцы изменения глаголов, глаголы и имена тождественные по начертанию, но различные по смыслу от перемены ударения, — все три рубрики по алфавиту, склонения имен, пишущихся преимущественно под титлами²⁶. За этой, так сказать, первой и значительнейшей частью «букваря», помещена Азбука толковая, т. е., алфавит изречений относящихся к жизни и учению Христа, напр., под буквою А, текст: «Аз есмь всему миру свет». После «азбуки толковой», приведены: заповеди, краткое катихизическое учение о вере, выписки из св. писания, притчи и наставления. «Букварь» оканчивается сказанием, «како св. Кирилл философ²⁷ состави азбуку», и послесловием, где означено и время издания азбуки*.

Учебный курс царевича Алексея, как бы установленный, по понятиям того времени, собственно для детей царских, продолжался

* Училища и образованность на Руси до-Петровской; наши статьи в «Народной Школе», 1869 г., см. № 9, стр. 82–83.

не больше трех лет. Для того же, чтобы уразуметь, чему именно мог научиться царевич в эти три года и какие промежутки времени требовались степенями этого курса, — предпочитаем привести официальные записки всех учебных наград наставникам царевича Алексея, характеристические и в других отношениях. Вот эти «расходные записки»: «7144 (1635) сентября в 6 день*, взято по памяти с казенно двора в отдачу пару соболей, цена 8 руб., и отдана по государеву указу, дьяку Василью Прокофьеву за то, что начал учить царевич князь Алексей Михайлович Часовник. Февраля в 21-й день (1636), взято по памяти с казенно двора отласу червчетово (красноватого) 10 аршин, да пара соболей, цена 7 рублей. И отдан сей отлас, по государеву указу, того ж числа дьяку Василью Прокофьеву за то, что он почал учить царевичу князю Алексею Михайловичу Псалтырь. А соболи взял боярин Бор. Ив. Морозов к царевичу князю Алексею Михайловичу в хоромы. Мая в 28 день (1636), взято по памяти из казенно двора камки червчетой мелкотравой, кармазину 10 аршин²⁸, и отдана ся камка того ж числа дьяку Василью Прокофьеву за то, что начал учить царевич князь Алексей Михайлович Апостольское Деяние, 7145 (1636) ноября в 21 день, взято по памяти с казенно двора камки червчетой, куфтеру, 10 аршин, и отдана ся камка, по государеву указу, подъячему Григорью Львову, что учил царевича князя Алексея Михайловича писать. 7146 (1637) октября в 22 день, взято по памяти из казенно двора тафты червчатой 5 аршин, и отдана тафта по государеву указу, певчему дьяку Луке Иванову, что он начал учить петь царевичу князю Алексею Михайловичу Охтой**». Июня в 30 день (1638), взято по памяти с казенно двора к государю в поход, в село Покровское, две камки, одна червчата одомашка²⁹, другая желта мелкотрава, обе мерою по 10 аршин. А в селе в Покровском семи камками государь пожаловал певчих дьяков Ивана Семионова, да Михаила Осипова, за то, что они царевичу князю Алексею Михайловичу начали петь учить страшное пение***. Приказал записать боярин Бор. Ив. Морозов»****.

Само собой разумеется, что сухость и однообразиетакой науки, закладывая в душе и уме ученика известную почву и такую же складку, не могли удовлетворить никакого ребенка — и «потехи»,

* Должно помнить, что год начинался тогда с сентября. В скобках проставлены наши январские годы.

** Т. е. октоих или осмигласник, одна из богослужебных книг православной церкви.

*** Т. е. православное богослужебное пение страстной недели.

**** Забелин. Домашний быт царей русских. Отечественные Записки, 1854 г., № 12, отд. II, стр. 133–134.

более приличные 6–8 летнему возрасту царевича, требовались почти гигиенически. Дело за ними, к счастью, не останавливалось, и они шли своим чередом, не только об руку с наукой, но и после окончания царевичем Алексеем его учения.

Воспитываясь преимущественно в страхе Божиим, царевич молился часто, кушал, кроме бесчисленных постных дней, вволю и сладко, но резвиться вволю не мог, потому что дворец того времени походил благочинием скорее на монастырь, где каждый шаг и всякое телодвижение совершались по статьям и указам, в основе которых лежали пресловутые правила «Домостроя», приправленные лицемерием, принижением, суеверием и невежеством. Не отсюда ли та странная, неестественная смесь скопидомства и роскоши, наивности и сметливости, добродушия и жестокости, запечатлевающая все, даже самые крупные, характеры питомцев этой эпохи, не выключая и одного из самых замечательных характеров — царя Алексея Михайловича.

Но чтоб втянуться в эпоху и проникнуться всей ее обстановкой, приличной царственному лицу, надлежало царевичу Алексею достигнуть указанного совершеннолетия и, объявляясь народу, выступить на поприще действия, по крайней мере, дворского. Это знаменательное для царевича событие совершилось 1 сентября 1642 года, когда, по случаю празднования нового года, «был государь у действия многолетнего здравья... Того ж дни — продолжает «выходная» записка — государь царевич князь Алексей Михайлович был с государем *у действия многолетнего здравья*³⁰. А на государе царевиче было платья: однорядка³¹, скорлат³² червчат с жемчужным кружевом; кафтан становой³³, отлас желт; зипун, обниз с камнем, что государь пожаловал его государя царевича из своих обнизей другого наряду; тесьма, шапка горлатная, первая*. Посох индейской резной с камнем, подножье бархатное, стул костяной с казенного двора»**. Объявленный, таким образом, народу впервые, царевич Алексей продолжал уже, время от времени, показываться публично вместе с своим державным родителем, и разделять с ним сосредоточенное на них обоих любопытство толпы, всегда жадной к подобным зрелищам.

Но за всем тем у царевича Алексея все таки оставалось довольно времени, которое он, как любитель чтения, мог употреблять с пользой. На этот конец составила и имелась у царевича Алексея

* Горлатными — шапки эти назывались потому, что делались из одних горлышек или шеек собольих.

** Выход царей, стр. 106.

собственная отроческая библиотека, опись книгам которой слишком любопытна, чтоб не привести ее дословно. Вот эта «Опись»: 1) Апостол печатный, в десть, слова прописные золотые; с застежки серебряны. В 142 (1633) г. * сентября 18, благословил царевича государь святейший патриарх Филарет Никитич. 2) Апостол писанный, в четверть, пожалован царевичу патриархом Филаретом Никитичем в 143 (1634) г., декабря 10**. 3) Азбука, большая печать, у азбуки на столбце указ, сверху речь золочена. Благословлена им же патриархом царевичу в 141 (1633) г. 4) Ахтай (октоих) да стихеры знаменны (нотные под крюками)³⁴, куплена у Строгановых. 5) Главизны наказательны о нравоучительстве — царя Василья Греческаго сыну своему царю Льву, в полдеств³⁵. Благословил патриарх Иосиф Московский и всеа Руси. 6) Грамматика, литовская печать в осмушку³⁶. Челом ударил боярин князь Алексей Михайлович Львов. 7) Козмография³⁷ в лист. Челом ударил думный дьяк Михаил Данилов. 8) Лексикон³⁸, литовская печать, в осмушку. Челом ударил боярин князь Алексей Михайлович Львов. 9) Псалтырь с песнями, с изображенными псалмы, писана книжным писмом, слова в начале в прописех писаны золотом, доски облочены камкою алою, жуки и застежки³⁹ серебряны чеканные, в полдеств. Государю царевичу Алексею Михайловичу челом ударил в 145 (1637) г. дьяк Василий Прокофьев (учитель царевича). 10) Псалтырь писанная в осмушку. В средних репши и наугольники⁴⁰ с обеих сторон серебряны. Челом ударил благовещенской протопоп Никита в 148 (1640) г. марта 10. 11) Стихараль знаменной⁴¹, застежки и жуки серебряны с чернью, в полдеств. Куплено у Строгановых сидельцев, у Терентья, за 12 рублей. 12) Стихараль знаменной, в полдеств. Челом ударил дьяк Василий Прокофьев. 13) Треоди знаменныя в четверть⁴². Челом ударил дьяк Василий Прокофьев. —

Далее следуют письменные принадлежности царевича, в таком порядке: а) Книжка-листье каменное, доски серебряны камфарены***; по доскам на сторонах стоят немки; застежки серебряны ж на переплете 4 репейка на шурупах. Челом ударил боярин князь Алексей Михайлович Львов в 145 (1636) года ноября 29. б) Книжка каменная же, доски серебряные резные, по зеленой земле. Челом ударил дьяк Григорий Львов (царевичев учитель письма) в 145 (1637) г.

* В скобках, как и выше, обозначены годы по нынешнему январскому счислению.

** Это какая-нибудь описка. 10 декабря 7143 г., по январскому счислению, значит 10 декабря 1634. А патриарх Филарет, как известно, умер 1 октября 1633 года.

*** Значение этого слова утеряно.

в) Перо писчее с финифтом⁴³, у него черен королек⁴⁴, на верху изумрудец. Челом ударил царевичу боярин князь Алексей Михайлович Львов. г) Перо серебряно с карандашем. Челом ударил боярин князь Алексей Михайлович Львов. д) Черниленка кизылбашская. Куплена из купецкия палаты в 148 (1640) г.»*^{*}. К этой же библиотеке, по существу дела, принадлежали, но в «Опись», вероятно, за уничтожением не попали, так называемые «потешные листы», игравшие в воспитании царевича Алексея роль не последнюю, если верить известию, что «наставник царя Алексея Михайловича, Морозов, учил своего порфирородного питомца посредством гравированных в Германии картинок»**^{**}. А известию этому верить можно, потому что оно подтверждается, напр., следующими статьями из дворцовых расходных записок того времени: «7142 (1634) июня в 16-й день, дано торговым людям овошного ряду за немецкие за печатные листы 20 алтын; а взяли те листы из государевы мастерские палаты в хоромы государю царевичу князю Алексею Михайловичу да государыням царевнам***^{***} боярин Бор. Ив. Морозов да окольный Вас. Ив. Стрешнев. — 7143 (1635) г. генваря в 9-й день дано овошного ряду торговым людям за 30 за 2 листа писанных немецких и русских 16 алтын 4 деньги. Взяты листы государю царевичу князю Алексею Михайловичу в хоромы»****^{****}.

Стало быть, и в отроческой библиотеке царевича Алексея церковный элемент преобладал до такой степени, что, из 13 названий книжной «описи» 9 — содержания богословского, 1 — назидательного («главизны наказательны») и только 3 — светского: грамматика, лексикон, да космография. А между тем царевича не сегодня-завтра ожидал престол, о котором, быть может, царевич вовсе и не думал, проживая с 1637 г. в новопостроенных для него с царевичем Иваном, трехэтажных хоромых над мастерскими палатами, сохранившихся и донныне под названием Теремного Дворца*****^{*****}.

Престол, однако, был к царевичу ближе, нежели могло казаться по летам его отца. 11 июля 1645 г., царь Михаил Федорович, при-

* Забелин. Дом. быт. рус. цар. Отеч. Зап. 1854. № 2. Отд. II, прилож. II.

** Снегирев. О лубочных картинках русского народа. См. истор. и статист. сборник. М. 1845 г. стр. 193.

*** Государынь царевен, для которых покупались «потешные листы» тогда было две: Ирина Михайловна, род. 22 апреля 1627 †3 февраля 1679 г., и Анна Михайловна, р. 14 июля 1630 †27 октября 1692 г.: Знаменитая царевна София⁴⁶ родилась ровно через три месяца после покупки этих листов, для ее старших сестер.

**** Забелин. Домашний быт русских царей. Отечественные записки. 1854. № 12, отд. II, прилож. VI.

***** Там же. Отечественные записки 181. № 2. стр. отд. II, с. 169.

существова у всенощной накануне праздника св. Михаила Малеина, дня своих именин и, вместе, 50-й годовщины своего рождения, вдруг почувствовал себя дурно, был отнесен из церкви в хоромы, понял приближение смерти, слезно простился с женой, благословил на царство сына, причастился св. таин и, окружаемый неотходно боярами, с патриархом в их главе⁴⁵, умер на другой же день, 12 июля, в самые свои именины, ровно 50 лет отроду. В тот же день, царевич Алексей Михайлович стал «Божиею милостию Великий государь Царь и Великий князь всеа России самодержец, Владимирский, Московский и Новгородский, царь Казанский, Царь Астраханский Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий князь Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новгорода Низовские земли (Нижнего Новгорода), Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея северных страны повелитель и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных многих государств Государь и обладатель»*.

Весь следующий день, 13 июля, «на Москве Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всеа Руси — гласит разрядная отметка⁴⁷ — бояре, и окольничие, думные люди, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жилцы, и дворяне и дети боярские из городов многие, и полковники, и ротмистры, и порутчики, и иноземцы⁴⁸, и гости, и дьяки, и головы стрелецкие, и сотники, стрельцы, и пушкарки, и Московского государства все служивые и земские люди крест ему Государю целовали. Того ж месяца июля в 14 день, указал Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Руси послать в полки и во все государство, во все города, для своего государева и земского дела, приводить ко кресту, на свое государево имя, в полках воевод, и дворян, и детей дворянских, и всяких чинов ратных людей, а по городам воевод и всяких ратных и земских людей. А приводить в соборных церквях, взяв списки у воевод всяких чинов людям. А указал государь всем быть без мест»** т. е. не затевать, так называемых, местнических споров о старшинстве и относительной почести родов. Но не успели еще отправить сорочин (поминок в 40-й день) по умершем царе Михаиле, как новый царь Алексей испытал уже другую тяжелую потерю: царица Евдокия Лукьяновна, опечаленная жестоко смертью нежно любимого мужа, пережила его только 5 неделями и умерла 18 августа того же 1645 г.

* Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 1788. Статья V, стр. 112–113.

** Дворцовые разряды. Т. III. (с 1645 по 1676 г.). Изд. 1852, стр. 1–3.

II

Коронование Алексея Михайловича. — Торжества и награды по этому случаю. — Первые три года царствования. — Внешняя политика. — Пререкания о царских титулах. — Бедственное положение народа. — Жалобы дворян, детей боярских, торговых и посадских людей. — Положение инородцев. — Волшебство. — Первая невеста царя, Евфимия Всевожская. — Ее печальная участь

Коронование молодого царя, отсроченное смертью царицы-матери еще на 40 дней, совершилось 28 сентября, в день воскресный и происходило следующим образом:

Накануне, во всех московских храмах отслужено всенощное бдение, а в Успенском соборе было уже приготовлено возвышенное, о 12-ти ступенях «чертожное место», на котором надлежало царю короноваться. От чертожного места к царским дверям, по обеим сторонам, стояли две скамьи, постланные золотыми персидскими коврами и назначенные для восседания духовных властей — митрополитов и архиереев. Ранним утром, 28 сентября, постельничие⁴⁹ Племянников и Панин принесли в Успенский собор золотое осыпанное драгоценными камнями и слывущее «персидским» царское место, с приступцом к нему, обитым золотым бархатом, и поставили на чертожном месте, по правую сторону, между тем, как тут же, по левую сторону, был поставлен и патриарший стул, с золотой бархатной подушкой. Против чертожного места, близ амвона, казначей и дьяки поместили три драгоценно-убранных налож, из которых два были ровны, а третий пониже.

По отдаче ночных часов, начался торжественный благовест на Иване Великом к царскому венчанию — и патриарх Иосиф, в богатой мантии, в лучшем клобуке, украшенном золотом и драгоценными камнями, сопровождаемый многочисленным, богато одетым духовенством, шествовал в Успенский собор, где и занял приготовленные для него с высшими иерархами места.

Тогда же царь Алексей Михайлович вышел из своих внутренних горниц в золотую, росписную палату. «А на государе был наряд: платно, отлас золотной по белой земле, с обнизным жемчужным широким кружевом с камнями; кафтан становой, третьего наряду*»,

* Кафтаны нарядов второго и третьего шились также из камки, атласа, объари, байберека, изарбафа — тканей дорогих, но отделялись проще кафтанов первого наряда.

большие Казны; зипун, отлас червчат, без ожерелья; тесма большая новая; шапка горлатная большая, сапоги низанные, сорочка первая*, да с Казенного двора жезл». Тут же, в Золотой Палате, объявлены некоторым ближним людям царские милости, а именно: «пожаловал Государь из стольников в бояре Никиту Ивановича Романова-Юрьева**, а у сказки⁵⁰ стоял боярин и дворецкий князь Алексей Михайлович Львов, а сказывал думной разрядной дьяк Иван Гавренев. Того ж дни пожаловал Государь из окольничих в бояре Вас. Ив. Стрешнева***, а у сказки стоял окольничий Степ. Матв. Проестев; а сказывал думной разрядной дьяк Ив. Гавренев. Того ж дни пожаловал государь в крайчие⁵¹ с путем**** Сем. Лукьян. Стрешнева*****; а крайчество сказывал ему постельничей Ив. Мих. Аничков. И Гороховец (нынешний уездный город Владимирской губернии) Сем. Стрешневу дан. Того ж дни пожаловал Государь из стольников в окольничие князь Дмитрия Петр. Львова, а у сказки стоял окольничей Степ. Матв. Проестев; а сказывал думной разрядной дьяк Ив. Гавренев». По объявлении этих милостей, царь послал новопожалованного боярина, Вас. Ив. Стрешнева, на казенный двор за «царским платьем», т. е. за всем тем, что называется теперь регалиями, «и с казенного двора велел ему ж идти перед царским платьем», которого сам остался ждать в Золотой Палате. Когда принесли «царское платье», сопровождавшееся с казенного двора и царским казначеем Богданом Миничем Дубровским, оно было отправлено царем в Успенский собор и, под гулом всех ивановских колоколов⁵², несено туда в следующем порядке: 1) Святыи животворящий крест и святыя бармы, положенные на золотом блюде и накрытые драгоценной паволокой (парчей), нес на голове благовещенский протопоп Степан, духовник царский, поддерживаемый двумя дьяконами. 2) Мономахову шапку (корону или «дьядиму первую») нес боярин Лукьян Степ. Стрешнев, дед царя Алексея со стороны матери. 3) Скипетр нес боярин Вас. Ив. Стрешнев. 4) Державу — казначей Богдан Минич Дубровский. 5) Блюдо золотое с дорогими камнями (на которое шапку Мономахову кладут) нес думный дьяк Ив. Гавренев. 6) Стоянец (под державу или «яблоко») — думный

* Сорочки первая, вторая и третья делались такими по цене ожерелья (ворота), которое всегда пристегивалось.

** Романов Никита Иванович — родной племянник патриарха Филарета и двоюродный брат царя Михаила. Умер 11 дек. 1650 г.

*** Вас. Ив. Стрешнев — второй, после боярина Бор. Ив. Морозова, наставник царя Алексея.

**** Крайчий спутем, т. е. определенным доходом (город Гороховец). Звание это, высшее звания крайчего, давалось всегда родичам царским.

***** Сем. Лукьянович Стрешнев — родной дядя царя Алексея.

дьяк Мих. Волошенинов. Процессию замыкал боярин Вас. Петр. Шереметев, сопровождаемый множеством дворян, наряженных, как и он, в роскошные золотые кафтаны. Встретив животворящий крест и «царское платье» в дверях собора, патриарх принял от царского духовника блюдо с крестом и поставил на один налож, шапку Мономахову поставил на принесенное другое блюдо и, вместе с скипетром, поместил на другом налое, а державу с стоящем под ней, на третьем, что по ниже двух первых, и послал боярина Шереметева, с духовником Стефаном, возвестить государю, что к его царскому венчанию все готово. Тогда двинулось из Золотой Палаты в Успенский собор блистательное шествие, которое открывали: царский духовник с крестом, окроплявший путь государю святой водой, и боярин Шереметев. За ними следовал государь, сопровождаемый всем своим синклитом, сиявшим парчами ферязей⁵³, яхонтами ожерельев и жемчугами на обуви. «Народное множество» заливало весь Кремль. Москва гудела «во вся». Обряд коронования совершал патриарх Иосиф, с тремя митрополитами, пятью архиереями и несколькими десятками архимандритов: всех московских, Свято-Троицкого и многих иногородных монастырей. На чертожном месте, за царем, с правой стороны, стояли: его дядька, ближний комнатный боярин Бор. Ив. Морозов и постельничий Ив. Мих. Аничков. «А с царскою шапкою шел, и с государя сымал и держал боярин Лукьян Степанович Стрешнев. А скифетр держал боярин Ив. Петр. Шереметев. А яблоко (державу) держал боярин Вас. Петр. Шереметев. А мису (блюдо) держал, на которую шапку царскую клали, думной разрядной дьяк Ив. Гавренев. А стоянец держал, на котором яблоко кладут, думной дьяк Мих. Волошенинов. А с подножьем царским были: к первому подножью — стольники князь Григорий Сунчелеевич Черкаской, Вас. Ив. Шереметев; к другому подножью — столники Петр. Вас. и Вас. Бор. Шереметевы». Обряд коронования был совершен по чину венчания прежних царей. Пред началом его, царь говорил к патриарху речь, на которую тот отвечал также речью; а по окончании обряда произнес царю поучение. Когда патриарх и все духовенство, бывшее в соборе, принесли царю обычное поздравление, государь пожаловал позвать их всех к себе на обед. Затем, нововенчанный царь, в полном царском облачении — в короне, бармах, порфире⁵⁴, с скипетром и державой в руках направился к южным дверям, около которых боярин Никита Ив. Романов осыпал его трижды золотыми деньгами, из мисы, держанной стряпчим с ключом⁵⁵ Мих. Ал. Ртищевым. Отсюда, в предшестввии и сопровождении сонма вельмож, государь шел в Архангельский собор, поклонился там гробу своего родителя и гробам предков, а при выходе из этого собора, в южных дверях, боярин Романов снова осыпал трижды золотыми

деньгами, что повторилось и в третий раз в Благовещенском соборе, где государь, встреченный своим духовником, прикладывался к соборной святыне. Из Благовещенского собора, царь вступил Красным Крыльцом в свои царские палаты. «И коим местом шел государь и по тому месту постланы были сукна червчетые добрые, а на верх сукон бархаты золотые и участки золотые». Переодевшись к обеду, царь вышел в Грановитую Палату. «А на государе было платье: опашень, зуфь⁵⁶ вишневая с кизылбашскою нашивкою; ферезь, тафта червчатая; зипун с меншою обнизью». Патриарх, встреченный государем у дверей Грановитой Палаты, обедал, один только, за одним и тем же столом с его царским величеством, но сидел на расстоянии слишком сажени от царя. За другими двумя столами, но одновременно с царем, обедали в Грановитой Палате духовные власти и вельможи; власти занимали левый стол от царского, к Благовещенскому собору, а вельможи правый, называвшийся, по своей фигуре, кривым. Бояре и окольные были за столом, по царскому указу, без мест⁵⁷. На другой день, 29 сентября, «был государь в Золотой Палате, а у государя был патриарх, и власти, и бояре, и великих чинов люди, с дарами*».

Когда же печали по умершим родителям и радости о собственном короновании для царя Алексея Михайловича миновали, он еще не был готов посвятить себя всецело трудному подвигу управления государством. Да никто и не принуждал к этому 16-ти летнего царя. Многие эгоистические умы рассчитывали, напротив, что удаление царя от дел развяжет им руки на всякое бесправие. И юноша царь, любивший хвалиться тем, что он «в благочестии рожден и воспитан», усердно посещал монастыри московские и загородные, что называлось тогда «походами»: Троицким, Саввинским, Кирилловским и т. п.; тешился охотой, к которой был страстен, о чем и будем говорить ниже; наконец, изредка показывался послам иноземным, — по крайней мере, в первые три года своего царствования. Все, так называемые, дела совершились в эти три года вельможами двора и думными людьми, владевшими полною доверенностью юного Алексея Михайловича.

Первое, над чем пришлось трудиться этим доверенным лицам, — была внешняя политика, именно, нескончаемые переговоры с Польшей. Но переговоры уже по тому одному не могли скоро достигать цели, что русские дипломаты, вместо ответов на грамоты панов радных⁵⁸, жаловались, что «титла пишут несправедливо:

* Историческое описание всех коронаций великих князей и царей российских. Составлено по достоверным источникам. М. 1856, стр. 34–40. Дворцовые разряды, т. III, стр. 14–17. Выходы царей стр. 132–133.

где надобно писать: государю Псковскому, там пишут: царю Псковскому; где надобно: самодержцу, там пишут: самодержцы; вместо Югорскому, Игорскому». «Такое новое дело — говорили бояре — чинится со стороны королевского величества мимо вечного докончанья (мира), неведомо какими обычаями, как будто к нарушенью братской дружбы и любви; самодержец у нас один, другого нет, так и писать: самодержцы — не пригоже». Потребовали от посла обязательства, что тот, кто так писал, будет казнен без пощады. Посол отвечал, что донесет королю; «король будет скорбеть и велит наказать этих людей»*. Не ограничиваясь спорами о титулах у себя дома, русские дипломаты держались той же политики и за границей. Так, русские послы, боярин Стрешнев и окольникий Проестев, отправленные в 1646 г. поздравить Владислава IV, короля польского, с новым браком на Людовике-Марии Мантуанской, заявили панам радным о новой обиде царской чести, что межевой судья Абрамович «прислал к царскому величеству лист, и в том листе написано невежливо с «отом» (от-??-славянская буква), тогда как царь к королю и король к царю в грамотах своих пишут без ота; послы требовали, по прежнему, виновным в больших винах казни смертной, а в малых наказанья жестокого; этим бы король показал его царскому величеству свою дружбу и любовь, требовали, чтоб король велел о царском титуле записать в сеймовую конституцию, чтоб вперед виновных в умалении титула карать горлом без всякаго оправдания»**. Но радея так усердно о подобных вещах, царские советники небрегли о важнейшем и преступно закрывали от царя бедствия его подданных, даже извлекали из этих бедствий свою пользу. На всех 225,914 кв. милях, составлявших территориальное население владений царя Алексея***, ни одно сословие, кроме придворного, не было довольно своим положением и тщетно приносило к престолу справедливые жалобы. Так, дворяне и дети боярские всех городов, бывшие, в 1645 г., на службе в Туле, били челом царю, что они «служили беспрестанные службы и от служб обедняли, одолжали великими долги и конми опали⁵⁹, а поместья их и вотчины опустели и дома их оскудели и разорены без остатку от войны и от сильных людей: которые де люди их и крестьяне выходят из за них за сильных людей⁶⁰, за бояр и за околничих, и за ближних людей, и за власти (высшее духовенство), и за монастыри, и государев де указ к отдаче

* Соловьев. История России с древнейших времен. Т. X, стр. 112. Изд. 1869.

** Там же, стр. 121.

*** Арсеньев. Статистические очерки России. Изд. 1848, стр. 41.

тех их беглых крестьян урочные годы 10 лет⁶¹, а они де по вся годы бывают на государевых службах, и в те урочные годы про тех своих беглых крестьян проведати не могут⁶²; а иные де сильные люди беглых их крестьян, для тех урочных лет, развозят по далным своим вотчинам, и как де тем их беглым крестьянам урочныя лета пройдут, и они тех их беглых крестьян привозят в вотчины свои, которые с ними смежно, да и досталных людей их и крестьян из за них вывозят всвой ж отчины и поместья, и тех их беглых крестьян называют своими сторонными крестьяны, а новых де крестьян их беглые их крестьяне, живучи за сильными людьми, пишут в писцовыя книги⁶³ и в ссудныя записи заочно, дружа тем, за кем они живут, бегая от них⁶⁴. И государь бы их пожаловал, велел к отдаче беглых их крестьян урочные лето отставить»*. Торговые люди разных городов — «казанцы, нижегородцы, ярославцы, костромичи, суздальцы, муромцы, вологжени, псковичи, устюжане, романовцы, галичаня, угличаня, белозерцы, каргопольцы, колмогорцы» жаловались пространно и горько на противозаконные права немецких гостей, приобретенные подкупом думных дьяков посольского приказа, заведывавшего иноземцами на Руси, и в заключение челобитной своей писали: «Милосердый Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй нас, холопей и сирот своих, всего государства торговых людей: возри, Государь, в нас бедных и не дай нам, природным своим государевым холопом и сиротам, от иноверцов быть в вечной нищете и в скудости; не вели, Государь, искони вечных наших промыслишков у нас бедных отнять. Вели, Государь, аглинским и анбурским (гамбургским) и бараборским (брабантским) и галанским и датцким немцам, гостям и торговым людем, торговать у корабельной пристани у Архангелского города; а к Москве, Государь, и в иные города всего московского государства пущать не давали б так же, как наперед сего при прародителях ваших государьских, блаженные памяти при государе царе и великом князе Иване Васильевиче (Грозном) всеа Руси, торговали в Иван городе. И ворвань, Государь, сала не вели держать в откупу немцам... и вперед, Государь, того салного промыслу отдавать в откуп⁶⁵, чтоб, Государь, твоя государева казна, такой пошлинной великой сбор не был в истери, и твоя государева вотчина, Колмогорской уезд и все Поморье не запустело, а промышленные люди с голоду б не померли; потому, Государь, что они немцы сами жалованные грамоты нарушили, учили делать не по тому, как в жалованных грамотах написано.

* Акты Археографической экспедиции. Изд. 1836, т. IV, № 14.

А как, Государь, в московское государство ездить немцам не поволишь, и их товары в московском государстве будут дешевы, по прежнему, а мы холопы и сироты твои, от тех промыслишков учнем быть сыти и во всех, Государь, городех будет тебе Государю прибыль многая... Царь, Государь, смилуйся, пожалуй»^{*}. Посадские люди, т. е. горожане (впоследствии, мещане) претерпевали от ослабления своего общинного устройства, так что даже новгородцы, древнейшиеи некогда сильнейшие на Руси общинники, в марте 1648 г., били челом: «После де разоренья в Великом Новгороде осталось их, посадских людей, немного, разбрелися, а иные померли, а вновь де не прибыло ни одного человека, и из досталных из них выбраны к денежным сборам в таможенную избу и в отхожия и в иныя многия в городовыя службы, а люди все бедные, и вперед к делам vybrати будет из них некого; а в Великом же де Новгороде и Новгородском уезде многие казаки и стрелцы и митрополичьи, и монастырские, и всяких чинов не тяглые люди торгуют всякими товары, сидят в лавках, и отхожими торговыми многими промыслы промышляют, и у них (посадских) торговые промыслы отняли, а никаких податей и мирскаго тягла с ними не платят и служеб не служат, живут в пробылех; а иные де посадские люди, избывая податей, стали в стрелцы и в казаки, и во всякие чины, и у митрополита живут в приказных и в крестьянях, и от того де Великий Новгород в конечном запустенье; а которые тягловые дворы с болшими угоды, и теми дворами владеют всяких чинов белые (нетяглые) люди, а с тех тяглых дворов и мест никаких податей не платят, а за те дворы тягло и службы ложатся на них, на досталных посадских людех»^{**}. Такое же стремление ульнуть от платежа и выполнения податей и повинностей общинных встречаем и в далекой Чердыни, где, еще в 1629 г., указом царя Михаила велено было выборным всех уездных людей, «для денежных доходов и сибирских отпусков»⁶⁶, росписать в сошное письмо⁶⁷, по 392 двора в соху, «кому с кем ближе в платеже быти», наблюдая «чтоб никто ни за кого никаких лишних доходов не платил, и сибирских отпусков не отпускал, и никому ни перед кем лишняя тягости не было». Но после этой сошной росписи, «многие лутчие крестьяне заговором, родом и племянем и семьями, по воеводским подписным челобитным отписывались от середних и от молотчих людей сошным писмом, по станом, в мелкие выти^{***} дворами ж, а не по дан-

* Там же, № 13.

** Там же, № 24.

*** Выть или сошку счисляли в 12 дворов лучших, 21 середних и 28 молодых.

ному окладу, и перед середними и молотчими людьми в тягле живут в великой лготе; а средним де и молотчим людям перед ними стало тяжело, не в мочь, и оплачивая их обнищали и одолжали великими долги; а денежным всяким доходом и сибирским отпуском в сборе чинится смута и мотчанье (медление)». Поэтому, в 1643 г., чердынцы били челом царю Михаилу, «чтоб их пожаловать, для сибирских отпусков и для их бедности, велеть им посадским людям и уездным крестьяном в сошном письме и данным окладом обложиться в свал⁶⁸, и денежные всякие доходы велеть бы им платить и сибирские отпуски отпускать по данному окладу, а не по сошному розводу, чтоб им от того врознь не разбрестись и до конца не погинуть». Такое челобитье было удовлетворено; но в 1645 г. чердынцы жаловались снова уже царю Алексею, что указа отца его «многие люди не послушали, и учинились силны, а воевод подкупили, и от их де насилства многие посадские люди и уездные крестьяне разбрелись врознь, а те де сильные люди живут во лготе»*.

Плохо, стало быть, жилось тогда русским людям, кроме бояр и духовных, но еще хуже приходилось несчастным инородцам сибирским, приведение которых под царскую руку лежит кровавым пятном на бытовой истории Сибири. Вот, например, деяния Петра Головина, воеводы якутского, встречающиеся в челобитной на него царю от 18 сентября 1645 г.: «Петр же Головин, умысля с советником своим с писмянным головою с Василием Поярковым⁶⁹, посадил в тюрьму новокрещена⁷⁰ Ивашка Остяка и в тюрьме морил голодом и науча его Ивашка, Петр Головин с ним Васильем на одине, без людей, и велели ему говорить на Матвея Глебова затайную измену и убийство русских людей; воровски, по не дружбе... и в том де деле Петр Головин служилых и торговых и промышленных, и всяких чинов людей, и якутов многих пытал и огнем жог и в тюрьму и за приставы отдавал и в тюрьмах русские люди и они якуты с тех с таких пыток и с голоду и со всякой тюремной нужи помирали... Да Петр же Головин посылал письменного голову Василья Пояркова с служилыми людьми к якутскому князю Камыку в улус: у того князца был сделан городок и в том улусе того князца Камыка с его улусными людьми, с женами, с детьми, сжег человек с триста, и скот их отогнал и животы их поймал... И как де якутов погромили и под государеву царскую руку привели по прежнему, и убийцы якуты все сысканы, и Петр де Головин всех лутчих якутов распрашивал: отчего у них изменилось, и кто им служилых людей побить велел? и оне де якуты при всех, в распросе, про убийство и про измену

* Акты Археограф. экспед. Т. IV, № 6.

ни на кого на русских людей в наученье ничего не говорили; и как де Петр Головин учел про ту якуцкую измену один сыскивать с писмянным головою Васильем Поярковым да с торговыми людьми и с ушниками, и убойцов якутов, князей и улусных людей, пытал и огнем жег и кнутом бил болши месяца, в три палача без пощады, и те де якуты в те поры, с пытки, и с огня, на русских людей ни на кого той якутской измены и русских людей в убойство в наученье ничего не говорили ж; и Петр де Головин, после того своего сыску, тех якутов лутчих людей и аманатов (заложников) повесил 23 человека, а иных выбрав же лутчих людей бил кнутом без пощады, и с того кнутья многие якуты померли, и тех мертвых Петр вешал же, и от того устращась многие якуты и князец Бойдой с родники своими человек 200 бегал в Вилюйские вершины в горы, и собрався там был с иными якуты и с тунгусы человек с 400, жил в вилюйских вершинах и ясаку до 153 (1645) болши дву лет не давал»*. Да и чего же, кроме подкупности и жестокости можно было ожидать от воевод, достигавших этого звания или по тому, что они были мужьями кормилиц многих царевичей и царевен, или еще проще, — как поступил, например, князь Петр Никит. Звенигородский, который, особенной челобитной, вымалывал и получил место воеводы в Белозерске только на том основании, что Илья Грушецкий, повоеводствовав в Белозерске всего один год, скопил себе состояние, а он, князь Звенигородский, задолжал и «с женишкой» умирает с голоду, а «людишки» его (он был тогда помещик вологодский) «пропадают на правеже»**.

Народ роптал, пьянствовал и, обиравый со всех сторон, с горя — волшебствовал. В 1648 г., сын боярский Федор Яхонин донес, что «ходил де он Федор, по государеву указу, в Кисловке у мылен печатей досматривать: и как де он, Федор, будет против мастерицы Ульянина двора Яхониной, у той Ульяны на дворе... в избе шум большой и драка промеж собою и попрекаютца кореньем⁷¹; и он де Федор на тот двор взошел... и... в избу входил; а они де пьяни; и при нем Федоре в избе Манка Аленку попрекала, а говорила ей так: «что де ты сказывала мне, что ты видела золотную мастерицу Анну Коробанову, как она сквозь перстень проволакивала полотенцо тонкое, и с тем де полотенцем та Анна всходила в Верх (дворец) в светлицу; а Аленка де в те норы при нем Федоре, запиралася, и против Манкиных речей говорила, что де таких речей не говори-

* Дополнение к Актам Историческим. Т. III. Изд. 1848, № 5.

** Дела об определении губных старост и воевод по городам. Временник Императоровского Московского об-ва Истории и Древностей Российских. 1849. № 4.

вала, то де взвела на нее Аленку та Манка напрасно. И он Федор, слыша там речи, отдал их в те поры кисловским решеточным сторожам⁷² за пристава»... * (конец дела утрачен). Впрочем, сила доморощенного русского волшебства пробралась в царский Верх еще официальнее в начале 1647 года, когда 18-ти летний царь Алексей, задумав жениться, выбрал из 200 красавиц шесть, по внимательном рассмотрении которых предпочел всем дочь дворянина Феодора-Руфа Родионовича Всеволожского Евфимию, и ей, по обычаю того времени, вручил кольцо и платок. Счастливая избранница, в роскошной одежде представленная царю, вдруг, от сильной ли радости, от туги ли перетянутой косы, упала в обморок, который приписан падучей болезни, а самая болезнь — порче, будто бы наведенной на Всеволожскую завистливыми матерями и сестрами забракovaných невест. Подозревали и Морозова в недоброжелательстве Всеволожским^{**}. До нас дошел только отрывок из этого темного дела, состоящий в указе и при котором послан в Кириллов-Белозерский монастырь «под крепкое начало, боярина Никит. Иван. Романова крестьянин Мишка Иванов за чародейство и за косной развод⁷³ и за наговор, что объявился в Рофове деле Всеволожского»^{***}. Любопытнее всего, что Всеволожский с дочерью и родней был тогда же сослан в Тюмень, где дочь его умерла, а он возвращен в свою касимовскую деревню уже в 1653 году.

III

Новоспасский архимандрит Никон. — Начало его дружбы с царем. — Назначение Никона «печаловником». — Женильба царя на Марье Ильинишне Милославской. — Подарки новобрачным. — Народное волнение. — Убийства и пожары. — Переговоры с бунтовщиками. — Привязанность царя к боярину Морозову. — Уложение. — Первое ученое общество на Руси

Огорченный таким неожиданным расстройством свадьбы, царь Алексей искал утешения в беседах с Никоном, архимандритом Новоспасским⁷⁴, одной из самых видных исторических личностей. Родясь в 1605 году от крестьянина села Вельдеманова, Княгининского уезда, Нижегородской губернии, Никон, в мире Никита, в юности выучился грамоте, 12-ти лет ушел тайком

* Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Изд. И. Калачевым. 1854. Кн. II, полов. 2-я. Отд. VI, стр. 58.

** Соловьев. Истор. Росс. с древн. врем. Т. X, стр. 137. Изд. 1870.

*** Акты Археографической Экспедиции. Т. IV, № 18.

в Нижегородский Печерский монастырь, 17-ти лет вытребован оттуда своим отцом, 18-ти лет похоронил отца* и, по убеждению родственников, женился 19-ти лет, поступил чтецом в церковь соседнего села, 20-ти лет рукоположен там во священники, 22-х лет, по приглашению купцов, перешел в Москву, еще через 10 лет, оставаясь бездетным⁷⁵, уговорил жену поселиться в Московском Алексеевском монастыре, а сам удалился в пустынный Анзерский скит на Белом море, где, по смерти своей жены, постригся в 1636 году; оттуда, по неудовольствию с настоятелем, перешел в монастырь Кожеозерский; тут, по убеждению всей братии, поставлен игуменом в 1643 г.; ради нужд монастырских прибыл в Москву в 1646 г., представлен царю, как муж жития подвижнического и произвел такое впечатление на юного царя, что набожный Алексей, велел патриарху Иосифу посвятить Никона в архимандриты монастыря Новоспасского, указал новому архимандриту являться еженедельно, по пятницам, к заутрени во дворец, чтоб потом беседовать с ним. «Никон — замечает один из наших историков — не мог ограничиться одними душеспасительными разговорами: он тотчас-же стал печаловаться (просить) за утесненных, вдов, сирот, и царь поручил ему это печалование, как должность; челобитчики шли к Никону в монастырь, другие встречали его на дороге во дворец и подавали просьбы**». 9 марта 1648 года, Новоспасский архимандрит Никон, уже друг царя Алексея, посвящен в митрополита Новгороду.

Назначение Никона «печаловником» за всех и каждого состоялось, по-видимому, довольно поздно. Да и не все из угнетенных имели случай воспользоваться его «печалованием». Наконец, Никон, хотя и друг царя, не смел еще касаться постановлений государственных, утверждаемых указами царскими, из которых особенно был народу не по сердцу указ 7 февраля 1646 г., о прибавочной пошлине на соль и запрещении свободной торговли табаком. И хотя в указе этом говорилось ясно: «указали мы и бояре приговорили: для пополнения наших казны, служилым людям на жалованье, чтоб против поганых бусурманов Крымских и Нагайских людей стать и православных крестьян от тех поганых заступить, положить на соль новую пошлину за все старья пошлины и за проезжие мыты⁷⁶ перед прежним с прибавкою на всякой пуд по две гривны; а иные мелкие поборы со всей земли и прежняя соляныя всякия пошлины и проезжие мыты указали везде отставить»***,

* Мать свою Никон потерял еще в младенчестве и попал в руки к злой мачехе.

** Соловьев. Ист. Рос. Т. X, стр. 142.

*** Собр. госуд. грам. и договор, ч. III, № 124.

народ видел только новость — и негодовал, приписывая ее внушению лихоимных вельмож. Главнейший из них, Морозов, чуял опасность и, чтоб отстранить ее по крайней мере от себя, указал своему царственному питомцу на двух красавиц, дочерей незнатного дворянина Ильи Даниловича Милославского, — и 16 января 1648 года царь Алексей обвенчался с старшей Милославской, Марией Ильиничной, во избежание новых чародейств, тихо; а 10 дней спустя женился и старик Морозов на младшей сестре царицы, Анне, сделавшись таким образом свояком царским. Из даров, поднесенных венценосным новобрачным и хранящихся до сих пор в Московской Оружейной палате, замечательнее прочих: кубок серебряный весом 11 ф. 2 зол., от боярина Бор. Ив. Морозова; рукомойник серебряный с подписью: «государю челом ударили Ярославские посадские люди 1648 года января 19»; корабль серебряный⁷⁷ золоченый, на поддоне подпись: «государю челом ударил Василий Иванович Стрешнев*», в 1648 году»**. В день брачного венчания царя «на него государя подано платья: сорочка тафтяная с ожерельем, третьего наряду, с порты тафтяными червчатыми; пояс, шелк червчат с золотом; зипун, отлас бел, у него обниз середняя с камением; кожух, камка бурская, по червчатой земли в цветах шолки: бел, зелен, да лазорев с золотом, на соболях, нашивка жемчужная, пуговицы обнизаны жемчугом; пояс золот кованой; шуба русская, бархат венецианский, шолк червчат да зелен, круги серебряны велики рещьями, в них круги золоты невелики островаты, листье золото, пуговицы золоты с камением и с жемчуги (отнены были от платно от отласнаго, от червчататаго аксамичнаго⁷⁸, на время); шапка горлатная большая, новая; колпак большой, весь обнизан жемчугом и с запоны, и с большия казны с Казенного Двора, отца его государева, блаженныя памяти государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси; штаны, камка червчата куфтерь; башмаки шиты волосеным золотом⁷⁹ и серебром по червчатому сафьяну; ичтыги⁸⁰, сафьян червчат. Да государю ж, в соборную церковь, отпущен стул зеленой с кистьми большия Казны»***. Надо полагать, что к этому дню царь Алексей излечился от грыжи, которою он страдал прежде, как видно это из следующего места письма его стольнику и любимцу Афан. Матюшкину, от 9 апреля 1646 года: «да съезди сам к Василию Прокофьеву (учитель царев), чтоб он прислал лекарство от грыжи: как грыжа придет в руку, чтобы оттого помочь учинить;

* Этот Стрешнев — второй, после Морозова, наставник царя Алексея.

** Московская Оружейная палата. Изд. 1860 г., стр. 180–182.

*** Выходы царей, стр. 178.

а прислать бы тебе... лекарство... в село Покровское с тем, кто к тебе с сею нашею грамотою приедет»*.

Женившись, царь Алексей счел нужным обратить внимание, прежде всего, на духовно-обрядную сторону народного развития и, 17 марта 1648 г., издал такой указ: «По правилу святых Апостол и святых Отец, в воскресной день отнюдь никому не подобает делать господину и госпоже, мужеского и женского полу, ни рабом, ни свободным, но упражняться и приходити к церкви Божией на молитву; а в субботу преставати от всякаго дела, как начнут в соборе благовестить к вечерне, за 3 часа до вечерни, и торговати покинуть, и ряды затворить, и торговые бани по тож время отставить и всякаго чину людям в бани не ходить, а на утре, в воскресный день, до 5-го часа рядов не отпирати и ничем не торговати, а как 4 часа минет, и в начале 5 часа тогда всякими товарами и харчем торговати и ряды отворить; а скотский корм, овес и сено, продавати по вся дни и часы невозбранно. А в господские праздники праздники тож творити, как и в воскресные дни. А когда бывают со кресты ходы, и тогда в рядах ничем не торговати и рядов не отпирати, до тех мест, как из ходу со кресты прийдут в соборную церковь, а потом торговати. А в зимнюю пору, когда бывают во дни 7 часов, и тогда торговати и ряды отворять в начале 4 часа, а в вечере от всего престать за час ночи»**.

Наконец, терпение народа лопнуло. Окольничие Леонтий Плещеев и Петр Траханиотов, родичи нового тестя царского, Ильи Милославского, заседавшие судьями в приказах земском и пушкарском, начали взяточничествовать неистово — и 25 мая 1648 г., народная толпа, схватив за узду лошадь царя, возвращавшегося от Троицы, требовала отставки Плещеева. Смущенный царь обещал — и поехал к дворцу, а довольный народ стал расходиться. Но на беду некоторые придворные из друзей Плещеева начали ругать народ, а более дерзкие — въехали в толпу и ударили несколько человек нагайками. Тогда народ рассвирепел, начал бросать в обидчиков камнями, бросился за ними во дворец, из которого, чтоб остановить толпу, вывели на казнь Плещеева, но народ вырвал его от палачей и умертвил собственноручно. Морозов вышел было на Красное крыльцо, с увещаниями от имени царского; но народ крикнул: «и тебе злодей, будет тоже!» — и Морозов кинулся спасаться во дворец, а толпа побежала грабить его дом, убила холопа, намеревавшегося защищать барское добро, сорвала с жены Морозова и выбросила дорогие украшения, причем перепуганной боярыне сказано, что, не будь она свояченица госу-

* Сборник Муханова. Изд. 1866 г., стр. 214.

** Акты исторические. Т. IV, № 6. Изд. 1842 г.

дарева, ее изрубили бы в куски. Затем убили и думного дьяка Чистого, искали убить и гостя Шорина, обвиняемых в возвышении пошрины на соль, разграбили дома бояр, князей Одоевского, Львова и многих других вельмож. На другой день, 26 мая, после полудня вспыхнул пожар — и к полуночи обратил в пепел: Петровку, Дмитровку, Тверскую, Никитскую, Арбат, Чертолье (Пречистенку), со всеми посадами. 27 мая мятеж возобновился. Царь выслал к народу боярина Никиту Ив. Романова, любимца народного. Романов, с шапкой в руках, увещевал народ разойтись, чтоб царю можно было выполнить свое обещание. Народ отвечал, что жалуется не на царя, а на людей, ворующих царским именем, и не разойдется, пока не выдадут ему Морозова и Траханиотова. Романов объявил, что оба они скрылись, но будут отысканы и казнены. Народ успокоился. Траханиотова, действительно, схватили у Троицы и казнили; но Морозова спрятали и отправили тихомолком в Кириллов-Белозерский монастырь. Царь приказал поподчивать стрельцов вином и медом, а тесть царев, Милославский, несколько дней угощал у себя выборных от всех московских сотен. На место убитых посажены люди угодные народу. Наконец, воспользовавшись крестным ходом, царь лично говорил с народом, обещал ему понижение пошлин на соль <...>.

Царь юноша, наученный горьким опытом народного мятежа, решил в самом деле обуздать бесправие своих сановников и, с этой целью, велел боярам, князьям Никите Ивановичу Одоевскому и Семену Васильевичу Прозоровскому, окольным князю Фед. Фед. Волконскому, да дьякам Леонтьеву и Грибоедову, слить, исправить и дополнить все статьи прежних судебныхников для их обнародования в одном цельном своде, «чтоб Московского государства чинов людем, от большего и до меньшего чину, суд и расправа было во всяких делех всем равно»*. Так составилось знаменитое «Уложение», читанное в думе царской, 3 октября 1648 г., и оконченное печатанием в Москве, 29 января 1649 г., — кодекс суровый, строгий, беспощадный, но который извиняло время и хвалили иноземцы Олеарий, Майерберг⁸¹, переводчик «Уложения» на латинский язык; не хвалил только знаменитый друг и потом противник царя Алексея — Никон. В грамоте к восточным патриархам, писанной Никоном, уже патриархом, в 1665 г., вот что, между прочим, свидетельствует самолюбивый Никон, не прощавший царю Алексею учреждения монастырского Приказа⁸²: «Написана книга Уложение, св. Евангелию, правилам св. Апостол, св. отец и законам греческих

* Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1830 г. Т. I, № 1, стр. 1. (Введение в «Уложение»).

царей во всем противная, почитают ее больше Евангелия: в ней то, в 13 главе, уложено о монастырском приказе; других беззаконий написанных в этой книге не могу описать — так их много! Много раз говорил я царскому величеству об этой проклятой книге, чтоб ее искоренить, но кроме унижения, не получил ничего»*.

Ровесником «Уложению» было учреждение другого рода, чисто научное, обязанное существованием своим уже не правительству, но просвещенной благотворительности частной. Мы говорим о первом на Руси ученом обществе, которое, с разрешения царского и благословения патриаршего, завел, под названием «Братства», постельничий Федор Михайлович Ртищев, основавший для этого, в 1648 г., на берегу Москвы реки, Преображенскую пустынь (известную больше под названием Андреевского монастыря, что на Пленицах** и вызвавший сюда из Киева представителей тамошней учености — монахов: в 1649 г. Арсения (Сатановского), Епифания (Славинецкого), Феодосия (Софоновича) и, в 1650 г., Дамаскина (Птацкого). Ученые эти, отправленные из Киева, по выражению местных регистров, для риторического учения и для перевода греческих книг***, были приняты в Москве, по свидетельству «Привиллегии московской академии 1685 г.», — «обучать русский народ свободным наукам»****. Поселясь под гостеприимным кровом Преображенской пустыни, но особо от прочих отшельников, киевские выходцы приняли под свой ближайший надзор училище, тогда же основанное при пустыни, и, по предложению Ртищева, занялись преимущественно сочинениями и переводами, труды которых были братски разделены между всеми. Заботы и издержки Ртищева не пропали даром: «в три года жизни ученой, деятельной — говорит описатель этого братства, — труженики изготовили для своего покровителя огромные фолианты»*****. Наконец, в том же 1649 г., пущена в ход книга, отпечатанная еще в 1647 г., под титулом: «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей».

Однако, ни набожные указы, ни отмена увеличенных пошлин с соли не унимали народного недовольствия. Летом 1648 года

* Соловьев. Ист. Рос. Т. XI, стр. 308. Изд. 1870 г.

** Монастырь этот, основанный и заброшенный еще до Ртищева, с 1725 г. обращен в заведение для беспризорных детей и подкидышей, а с 1764 г. упразднен, и здания его отданы московскому градскому обществу. Теперь здесь богадельня этого общества.

*** «Опись малороссийским делам», в «Молодике» 1844 г., стр. 225–227.

**** Древняя Российская Вивлиофика, ч. VI, стр. 404.

***** Сахаров. Русское ученое общество в XVII стол. Утренняя Заря. 1839 г., стр. 2–24.

вспыхнули мятежи в Сольвычегодске и Устюге, возбужденные взяточничеством воевод Федора Приклона и Михаила Милославского; в январе 1649 г. пытали и казнили в Москве неосторожных говорунов, болтавших, что «государь молодой и глядит все изо рта у бояр Морозова и Милославского; они всем владеют, и сам государь все это знает да молчит; Морозов делает умыслом, будто он теперь ничем не владеет, и дал всем владеть Милославскому»^{*}; а в феврале 1650 года, мятеж, в самых широких размерах, запылал во Пскове и потом в Новгороде, где чуть не убили митрополита Никона <...>.

Едва успели вздохнуть от мятежей, как обрушилось на Русь Алексею новое несчастье — голод, несчастье тем пагубнейшее, что тогда не знали и не принимали еще никаких мер к продовольствию народному. Не зная, чем и как предотвратить беду, набожный царь возложил все упование на Бога и в ноябре 1651 г. разослал ко всем городским воеводам грамоту следующего содержания: «От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Руси (туда-то) воеводе нашему (такому-то). За умножение грехов всех православных христиан, учинилось в нашем государстве оскудение плодам земным и во многих местах хлеб и траву саранча поела, а инде⁸³ потопило водою и учинились пожары многие и конской и животной падеж. И мы, советовав с отцем нашим и богомольцем Святейшим Иосифом, патриархом московским и всея Руси, указали на Москве и во всех городах всем православным христианам Филипов (он же рождественский) пост нынешнего 159 (7159 = 1651)** году поститься со всяким благоговением, как о том посте написано в правилах святых отец и молити в Троице славимаго Бога и Пресвятую Богородицу и всех святых, чтоб Господь Бог устроил все православное христианство в мире и в тишине, и во благоденствии, и во умножении плодов земных. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б послал от себя во все монастыри ко властям и в уезд всяких чинов по людям и велеть им быть к себе, а как съедутца, и ты б архимандритом, и игуменом, и протопопом, и черным, и белым попом, и дьяконом соборных и приходских церквей, и дворяном, и головам, и сотником стрелецким, и детем боярским и всяким служилым и жилецким, посацким, городским, торговым и всяким людям, велел быть в соборную церковь не по один день, и тем всем людям сказал и сю нашу грамоту велел вычитать, чтоб православные христиане в Филипов пост нынешняго 159 году постились со всяким благоговением и как о том посте

^{*} Соловьев. Ист. России. Т. X, стр. 148–149.

^{**} Так как год начинался тогда с сентября, то ноябрь приходился уже в новом году.

написано в правиле Святых отец и в уставах, и ко святым Божиим церквам к вечерне и к заутрени и к литургии по всяки дни приходили и молили в Троице славимаго Бога и Пресвятую Богородицу и всех Святых о благосостоянии святых Божиих церквей и о нашем царском многолетнем здравии и о царице (следует поименование всех наличных членов царской семьи), чтоб Господь подаровал нам благоверные чада в наследие рода нашего, и свыше победу и одоление на враги и сопостаты наши и умножил бы Господь Бог плодов земных и избавил бы всех православных христиан от нахождения иноплеменных и междуусобных брани и от огня и потопа и от всякаго зла и устроил бы Господь Бог все православное христианство в мире и в тишине и в благоденствии. И велел бы еси в соборной и во всех церквах пети молебны после заутрени со звоном во весь Филипов пост. И во время б Божественного пения в церкви стоять людям со страхом, и молитву творить беспрестанно, а разговоров и шаптання, и никаких речей меж себя не говорить и отцов бы своих духовных наказана слушать и примать со всяким усердием. А то нам ведомо, что в городех и в селех и в деревнях христиане живут без отцов духовных многие и помирают без покаяния а о том ни мало не радеют, чтоб им исповедывать грехи своя и телу и крови Господни причащаться; а священники о том их не учат и на покаяние их не призывают. И о том бы сказал священником в городех и по селам и по деревням накрепко, чтоб от сего времени христиане без отцов духовных не жили. А в правиле святых отец о том заповедано велми тяжко аще и един год не исповедается который христианин. А будет кто, забыв страх Божий в нынешний Филипов пост не поститца и к церкви Божией приходит не учнет, или которые христиане учнут жить без отцов духовных, и ты б тех людей, по извету, велел смирать. И списав с сей нашей грамоты списки, поразослать в уезд по селам и деревням, тако и везде чтоб сей наш указ всем был ведом»*. Нет сомнения, что указ этот, рекомендуемый индифферентизм на Руси, так рано и так неожиданно, был внушен строгим Никоном, который, приехав побывать в Москву, нашел у царя прежнюю ласку и настаивал, чтоб велено было перенести в московский Успенский собор гробы патриархов: Гермогена — из Чудова монастыря, Иова — из Старицы и мощи св. Филиппа митрополита — с Соловецкого острова. Вняв наставлениям Никона, царь послал его

* Грамоты, отысканные в городе Трубчевске. Журн. Мин. Внутрен. Дел. 1836. № 1, стр. 105–107. Та же грамота напечатана и в исторических материалах «Москвитянина» 1841. № 5, стр. 176–178. Разбор этой грамоты помещен в «Русском Вестнике» 1811. № 1, стр. 56–70.

самого за мощами св. Филиппа, которому, как живому, написал призывную грамоту <...>. Никону сопутствовали в Соловки: боярин князь Ив. Хованский, окольный князь Ив. Лобанов-Ростовский, дворянин Вас. Отяев и другие. Никон заставлял их всех подчиняться всем строгостям дисциплины церковной, так что, напр., Отяев писал к своим друзьям: «лутчи-бы нам на Новой земле за Сибирью с князь Иваном Ивановичем Лобановым пропасть, нежели с Новгородским митрополитом, как так, что силою заставлявает говеть; никого силою не заставить Богу веровать». Жалобы эти дошли и к царю, который, между прочим, писал своему любимцу: «Да ведомо мне учинилось от князь Ивановых грамоток Хованскаго, что будто он пропал, а пропасть свою пишет, что будто ты его заставляешь с собою правила (слушать)⁸⁴ еже день. Да и у нас перешептывали на меня: николи де такого безчестья не было, что ныне Государь нас выдал митрополитом. И потому и я тебя, владыко святыи, о том молю с молением, пожалуй его с собою не заставляй у правила стоять: добро, государь владыко святыи, учить премудро, премудрее будет, а безумному — мозолие ему есть»*.

Переписка царя с Никоном, пока последний ездил в Соловки, принадлежит вообще к числу памятников, в бытовом отношении, самых замечательных. <...> Но когда, 15 апреля 1652 г., умер в Москве патриарх Иосиф, царь известил о том Никона простран- ным посланием, в котором выразил весьма характеристично и са- мого себя, и всю свою эпоху. <...>⁸⁵ Отнесшись с такой искренней наивностью к событию смерти патриарха Иосифа — как видно, скопидома по преимуществу, — царь Алексей является не меньше наивным в другом своем письме, которое летом того же 1652 г. отправил он с нарочным, стольником Алексеем Богдановичем Мусиным-Пушкиным, в любимый им Саввин монастырь** для «вы- чета», громогласно и публично казначею монастыря, старцу Никите, провинившемуся в пьянстве и бесчинстве. Предваренное грамотой царской на имя келаря и ризничего Саввинских, находившихся с Никоном в Соловках, куда царь писал к ним: «за грехи мои и ваши обчие, монастырь преподобнаго Саввы в конец раззорился: казна- чей взбесился и задуровал, а архимандрит оглох, а братья не токмо вино, и табак пьют», — письмо к казначею Никите, обличающее и монастырский быт того времени, сопровождалось особым наказом

* Акты Археографической Экспедиции Т. IV. № 57.

** Саввин-Сторожев монастырь, близ города Звенигорода, уездного Московской губернии, основан около 1377 г. св. Саввой, постриженником и учеником св. Сергия Радонежского.

царя Пушкину о том, чтоб письмо это было читано вслух каким-то Осипом: «а будет Осип худо чтет, приказывал царь, ты вели честь Андрюшке Шахову; а будет оба худо чтут, и ты б заставил из братьи честь, кто горазд; а самому тебе тут же стоять, и как станут честь, и тебе б смотреть за ними, чтоб чли внятно и не спешно, высматривая, чтобы всем было слышать и чтобы речь от речи не разносили, чтобы речь к речи была». В силу такого наказа, Пушкин, по приезде своем в Саввин монастырь, собрал всю наличную братию, и с послушниками, в трапезе, поставил казначея Никиту посредине, вскрыл царское письмо и передал его чтецу искусному, который, обратившись к казначею Никите, во всеуслышание читал следующее: «От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея России. Врагу Божию и Богоненавистнику и Христопродавцу, и разорителю Чудотворцева дома, и единомышленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпырю⁸⁶, и злому, пронырливому злодею, казначею Никите. Уподобился еси ты сребролюбцу Иуде: яко же он продал Христа за тридесять серебрянник, а ты променял, проклятый враг, Чудотворцева дом, да и мои грешныя слова, на свое умное и збойливое пьянство и на умные, на глубокие, пронырливые вражьи мысли⁸⁷. Сам сатана в тебя, врага Божия, вселился. Хто тебя, сиротину, спрашивал над домом Чудотворцевым, да и надо мною грешным, властвовать? Хто тебе сию власть мимо архимандрита дал, что тебе без его ведома стрельцов и мужиков моих Михайловских бить? Вспомни евангельское слово: всяк высокосердечный не чист пред Богом. О, враже проклятый, и за что денница⁸⁸ с небесе свергнута? Не за гордость ли Бог не пощадил? Да ты ж, сатанин угодник, пишешь к друзьям своим и вычитаешь бесчестье свое вражье, что стрельцы у твоей кельи стоят. И дорого добре, что у тебя, скота, стрельцы стоят! Лучше тебя и честнее тебя, и у митрополитов стоят стрельцы, по нашему указу, которой владыко тем же путем ходит, что и ты окаянный. И дороги ль твои грозы мне?... И не твои мне грозы, и своего брата государя, и те мне грозы, яко паутину вменяю, потому: Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Да помощию Пресвятой Богородицы и за молитвы чудотворца Саввы ничьи грозы не страшны. Ведай себе то, окаянной, тот боится гроз, который наружу держит на отца своего сатану и держит ее тайно, чтоб никто не познал, а пред людьми добр и верен показывает себя. Да и то себе отдай, сатанин ангел, что одному тебе и отцу твоему диаволу годна и дорога твоя здешняя честь; а Содетелю нашему, Творцу небу и земли, и свету моему Чудотворцу, конечно, грубны твои высокопроклятые и гордостные, и вымышленные твои тайныя дела. А мне грешному здешняя то честь, аки прах. И дороги ль мы пред

Богом с тобою, и дороги ль наши высокосердечные мысли? Ведай себе и то, лукавый враг, как ты возмутил ныне Чудотворцевым домом, да и моею грешною душою: ей-ей, до слез стало, Чудотворец видит, что во мгле хожу от твоего пресветлова, збойливаго сатанина ума: возмутить тебя и самага Бог и Чудотворец! Чем бы милости просить у Бога и Пречистой Богородицы и Чудотворца и со мною прощаться, и ты в граматках своих вычитаешь безчестье свое. И я тебе за твоё роптанье спесивое учиню тебе то, чего ты век над собою такого позору не видал... Да и Чудотворец тебя не уверил целебоносными своими мощами. Какое над тобою чудо показал! старым, древним такое чудо уподобися, что сподобил Бог и Чудотворец тебе обрести мощи его светове мимо всей братьи. Есть и крепчае тебя житием, живут в том же монастыре, да Бог не изволил им обрести, а все тебя уверяючи, чтобы ты радел о сем месте; и ты не восхотел послушати Бога, Чудотворца и меня, променял сие место Чудотворцево на свое премудрое и лукавое, и на пьяное сердце и на проклятые свои мысли; а меня грешнаго тебе не диво не послушать здесь, потому что и святое место продаешь своим безумием на винные флаги... * Да по сем буди прогнан, и изриновен, и отлучен, со всяким безчестием и бесстудием, от сего места святаго и Чудотворцева дома». Непосредственно за прочтением этого письма, стрельцы тут же, в трапезе, возложили Никите «чепь на шею, а на ноги железа», и свели его на конюшенный двор, откуда потом отвезли закованного в Москву, под крепким караулом. Что было с ним после остается неизвестным**.

Между тем, приехал из Соловок в Москву Никон, ожидая которого с нетерпением, царь Алексей писал к нему в одной грамоте: «Возвращайся, Господа ради, поскорее к нам выбирать на патриаршество именем Феогноста (по переводу с греческого, — известный Богу), а без тебя отнюдь ни за что не примемся»; в другой: «Помолись, владыко святыи, чтоб Господь Бог наш дал нам пастыря и отца, кто Ему Свету годен, имя вышеписанное (Феогност), а ожидаем тебя, великаго святителя, к выбору; а сего мужа три человека выдают: я, да казанский митрополит, да отец мой духовный, и сказывают свят муж». Разумеется, Никон понимал царские намеки, знал, что этот таинственный Феогност — он сам и, действительно, 22-го июля 1652 года,

* Против этого места царь приписал собственноручно: «Твое ль то дело, что ежючи по селам, да пить? Да возят за тобою по две флаги вина! Надобно не вином строить Чудотворцев дом. Не на то я тебя призвал что вино то пить! О, горе мне от тебя. Микита! Каково ты мне сотворил за мою к тебе любовь, таково и я тебе сотворю».

** Записки отделения русской и славянской археологии Имп. Русского Археологического Общества. Т. II. Изд. 1861 г., стр. 787 и. д.

был избран в патриархи, но отрекся. Царь, лежа на земле в Успенском соборе, у мощей св. Филиппа, молил Никона не отречься. «Будете ли почитать меня, как архипастыря, и дадите ли мне устроить церковь?» вопрошал Никон у царя, бояр и народа. Ему обещали это с клятвою; он согласился на свое избрание, и 25 июля 1652 г. был посвящен*.

Избрание Никона на патриаршество, правда, прекратило ученую деятельность братства Преображенской пустыни, которое тогда рассеялось: Епифаний, облеченный званием начальника патриарше-гоучилища и главного справщика книг, помещен, как и Дамаскин, в Чудове монастыре, а Арсений в Богоявленском**. Но зато, тогда же, вместе с оглашением русских храмов давным-давно неслышанной проповедью, закипела в Москве типографская деятельность, и ученые выходцы киевские, под руководством энергического патриарха, принялись за исправление церковно-служебных книг, одобренное на московских соборах 1654 и 1655 гг., но возбудившее против новых справщиков сильную ненависть прежних, из которых, например, протопоп Неронов, заточенный уже патриархом за расколоучение, писал к царю Алексею, в 1653 г.: «Ох, увы, благочестивый царю! стани добре, церковное чадо, вонми гласу и молению твоих государевых богомольцев. Молим тя, и паки молим тя, государь, иностранных иноков, ересей вводителей, в совета не принимай: зрим бо в них, государь, ни едину от добродетелей: крестнаго знамения истинного на лице изобразити не хотят и сложению перстов блядословно противятся; на колени же поклонятся⁸⁹ Господеви, покоя ради, не хотят»***. Но царь Алексей слушал, разумеется, не раскольников и известно, что как для него самого, начинавшего уже поглядывать на Польшу, так и для патриарха Никона, трудившегося над книгоисправлением, князь Репнин-Оболенский, будучи послом в Польше, в 1653 г., купил там, по государеву указу, следующие книги: 1) Лексикон Словено-Русский — дано 4½ золотых польских****; 2) Гранограф (хронограф) Плицкого — дано 10 золотых; 3) Дикционарь или лексикон Гданский (данцигский) на трех языках: немецком, латинском и польском, дано 15 золотых; 4) Гвагвин (Гваньини)*****, дано 40 золотых; 5) Библия на польском языке, дано 50 золотых; 6) Книга — описание Польше, дано 24 золотых, до от переплету 6 золотых; 7) Конституция нынешнего

* Соловьев. Ист. России. Т. X, стр. 189–190.

** Опись малорос. дел. в «Молодике». 1844, стр. 225–227.

*** Предисловие к библии, изд. в Москве, в 1663 г.

**** Злот польский = 15 к. сер.

***** Александр Гваньини (1534–1614), итальянец, военачальник витебский при Стефане Батории. Известен сочинением о России, изд. впервые в 1581 г.

161 (7161 = 1653) года, дано левок*; всего куплено книг на 25 золотых (червонцев)**. Война с Польшею казалась неизбежной потому, что, в 1653 г., шли уже переговоры с гетманом Хмельницким о подданстве московскому царю всей Малороссии, стонавшей под иноверным игом поляков. Готовясь к этой войне, московское правительство, в августе 1553 г., отправило, в Голландию и другие государства капитана фон-Керк-Говена для покупки карабинных замков и для призыва мастеров, которые могли бы их делать; а в октябре послан был в Голландию подъячий Головин, с просьбой: позволить ему купить, по обыкновенной цене, 20,000 мушкетов и 20 или 30,000 пудов пороху и свинцу — на что штаты голландские изъявили полное согласие. Закуплено было 20,000 мушкетов и в Швеции***.

Военные действия открылись в 1654 году. 27 февраля отправлен из Москвы в Вязьму наряд (артиллерия); 26 апреля выступило в Брянск передовое войско; 15 мая повезли в Вязьму образ Иверской Богородицы, а три дня спустя, двинулся в поход с Девичьего поля⁹⁰ сам царь Алексей Михайлович, направляясь к Смоленску — 26 мая, он был в Можайске, откуда писал сестрам-царевнам: «Из Можайска пойдем 28 числа: спешу государыни мои для того, что сказывают, людей в Смоленске и около Смоленска нет никого, — чтоб поскорей захватить». Но, на этом походе, царь Алексей, как видно, не был доволен окружающими и, 31 мая, писал князю Трубецкому, начальнику передового войска: «А у нас едут с нами отнюдь не единоплешником, наипаче двоедушником, как есть облако: иногда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явятся, иногда зноем и яростию и ненастьем всяким злохитренным и обычаем московским явятся, иногда злым отчаянием и погибель прорицают, иногда тихостию и бледностию лица своего отходят, лукавым сердцем. Коротко вам пишу, потому что неколи писать, спешу в Вязьму; а мне уже Бог свидетель, каково становится от двоедушия того, отнюдь упования нет»****. Скоро, однако, царь утешился. На дороге к Вязьме, 4 июня, ему дали знать о занятии Дорогобужа без боя; в Вязьме, 11 июня, получена весть о сдаче Невеля; в Дорогобуже, 14 июня, о сдаче Белого. 28 июня царь приблизился к Смоленску и, на другой же день, был поздравлен с сдачей Полоцка; 2 июля узнали о сдаче Рославля;

* Левокли лев в 40 пар монета молдовлахейская, тоже, что турецкий пиастр или курут ценой от 7 до 7½ к. сер.

** Летописи русской литературы и древности. Изд. Н. Тихонравовым. 1850–1860, кн. V, отд. III, стр. 84.

*** Соловьев. Ист. России. Т. X, стр. 307.

**** Там же, стр. 319.

20 июля — о сдаче Мстиславля; 24 июля о сдаче Дисны и Друи; 2 августа, — о взятии Орши, где, за несколько дней перед тем, царские войска потерпели поражение. Между тем, осада Смоленска продолжалась и, 16 августа, царь сделал приступ, но неудачный, о котором он писал своим сестрам-царевнам: «наши ратные люди зело храбро приступали, и на башню и на стену взошли, и бой был великий. И, по грехом, под башню польские люди подкатали порох, и наши ратные люди сошли со стены многие, а иных порохом опалило. Литовских людей убито больше 200 человек, а наших ратных людей убито с 300 чел., да ранено с 1,000». Но в других местах дела шли хорошо: 20 августа известились о взятии Озерища, разбитии гетмана Радзивила на р. Шкловке и сдаче Гомеля малороссийскому наказному гетману Золотаренке. 24 августа принужден к сдаче Могилев, где побиты все еврей⁹¹; 1 сентября сдался Усвят; 4 Шклов; 10 происходили договоры о сдаче Смоленска, который, наконец, положил оружие 23 сентября. На другой день царь принимал поздравления, хлеб-соль, соболи, и делал обед в столовом шатре; 28 сентября был у царя другой обед для смоленской шляхты. Получивши весть о взятии города Гор, царь выступил из под Смоленска, 5 октября; на дороге, 16 октября, узнал о сдаче Дубровны и, 21 октября, прибыл в Вязьму, здесь встретил царицу с детьми, приехавшею к нему из Колязина монастыря, и ожидал пока кончится мор в Москве⁹². Мор этот, обнаружившийся еще летом, побудил патриарха Никона, в июле, вывезти из Москвы семью царскую в Вязьму. К мору присоединились беспорядки: враги Никона носили по Москве образа с выскребенными ликами и говорили, что это дело — патриарха. «Патриарху пристойно быть в Москве, кричали они всенародно, и молиться за православных христиан; а он Москву покинул и попы, смотря на него, многие от приходских церквей разбежались, православные христиане помирают без покаяния и без причастия». В начале сентября мор начал усиливаться; 11 сентября умер московский градоначальник, боярин князь Мих. Петр. Пронский; 12 — боярин князь Хилков; 10 октября мор стал униматься и некоторые из зараженных не умирали. Но вообще, смертность была ужасная, так что, когда в декабре царь прислал из Вязьмы в Москву «досмотреть» сколько умерло и осталось в живых, то получились, например, такие цифры: в Чудове монастыре умерло 182 монаха, осталось 26; в Вознесенском монастыре умерло 90 монахинь, осталось 38; в Ивановском умерло 100, осталось 30; в посольском приказе, из 60 переводчиков и толмачей, осталось 30; на боярских дворах: Бор. Морозова, ум. 343 чел., осталось 19; князя Ал. Никит. Трубецкого, ум. 270 чел., осталось 8; князя Якова Куденетовича Черкасского, ум. 423 чел., осталось 110; князя Одоевского, ум. 295, осталось 15;

Никит. Ив. Романова, ум. 352, осталось 134; у Стрешнева, из всей, столько же многочисленной дворни, остался один мальчик. В черных сотнях и слободах: в Кузнецкой, ум. 173, осталось 32; в Новгородской, ум. 438, осталось 72; в Устюжской полусотне, ум. 320, осталось 40; в Покровской сотне, ум. 477, осталось 48. Процент смертности по городам был не менее значителен: в Калуге посадских людей ум. 1836, осталось 777; в Торжке, ум. 224, осталось 686; в Звенигороде, ум. 164, осталось с женами и детьми 197, а в уезде ум. 707, осталось 689; в Кашинском уезде, ум. 1539, осталось 908; в Твери, ум. 336, осталось 388; в Туле, ум. 1808, осталось 760 муж. пола; в Переяславле Рязанском (нынешняя Рязань) ум. 2, 583 чел., осталось 434; в Переяславле-Залесском, ум. 3,627, осталось 939, и т. д. Страх близкой смерти внушал многим принимать иночество, которое, однако, по миновании этого страха, откидывалось прочь с индифферентизмом замечательным, так что царь Алексей Михайлович писал 15 января 1655 г. из Вязьмы начальному в Москве боярину Ив. Вас. Морозову: «Ведомо нам учинилось, что в Москве моровое поветрие, мужья от жен постригались, а жены от мужей, а теперь из них многие живут на своих дворах с женами, и многие постриженные в рядах торгуют, пьянство и воровство умножилось. И вы б велели проведать о том подлинно и к нам отписали тотчас с нарочным гонцом». В тоже время царь Алексей Михайлович, будущий учредитель Тайного Приказа, писал, 20 января, в Смоленск, бояр. Григ. Гавр. Пушкину: «Ведомо нам учинилось, что во многих шляхтичах шатость⁹³, начали изменять, отъезжать в Литву: и вы бы тех воров, от кого измены часто, велели в тюрьму сажать и высылайте их к нам из города *ночным временем, чтоб про то вскоре никому не было ведомо*; а если почаще и ото всей шляхты и мещан измены, то всех к нам присылайте, по сколько человек возможно; а если посылать их нельзя и ехать они не хотят то посылайте в Москву связанных; если же наглой измены или дурно большого от них почаще, то по самой конечной мере, *велите сечь*, кроме жен и детей»*. Любопытно и следующее письмо царя, от 23 января, из Вязьмы к его любимцу, Матвееву⁹⁴, которого он приблизил к себе из дьячих детей: «От царя и Великаго князя Алексея Михайловича верному и избранному голове нашему Артомену Сергеевичу Матвееву. Поздорову ль ты, верный наш раб! А мы, великий государь, в славном граде Вязьме, дал Бог здоровы, со всеми людьми Божиими и нашими; также и в царствующем граде Москве дал Бог подлинно утихло и здорово. Лишь мы пребываем по прежнему в тяжестях великих душевных, но не отчаяваемся своего спасения. К сему же, что

* Соловьев. Ист. Рос. Т. X, стр. 339–340.

речет великое солнце пресветлый Иоан Златоуст: не лето есть спотыкаться, лето споткувся, не подняться. Добиваюся зело того, чтоб быть не солнцем великим, а хотя бы малым светилом, малою звездою там, а не здесь!... И в том не осуди, что пишу: нечист от греха, потому что множество имею в себе, а о том зело възбраняет ми совесть писать, что чист от греха: ох, лето тако глаголати человеку, наипаче же мне, что чист от греха! и сему конец»*. 10 февраля царь приехал в Москву, а ранней весной он выступил уже вторично к Смоленску, откуда 25 апреля писал боярину Вас. Вас. Бутурлину: «В нынешнем году, с Москвы и со службы от нас, от многих бояр и от всяких чинов людей побежали люди; собираются в глухих лесах, а собравшись, хотят ехать к Хмельницкому; к своей братии пишут, будто сулят им черкасы (малороссияне) маетности⁹⁵, и многих своих бояр поставили пешими и без денежными. И вы, поговоря с гетманом и перехватив их всех, велите из них человек 10 повесить в наших старых городах, в Путивле с товарищи (sic); остальных же, высекши кнутом, пришлите в Москву и заказ крепкий учините, чтоб вперед черкасы их не принимали». 24 мая царь выступил из Смоленска, и в начале июня был уже в Шилове, где получены им одно за другим известие о взятии русскими и малороссиянами: Свислоча, Кайданова, Велижа и Минска. Находясь в Крапивне, в 50 верстах от Вильны, царь был обрадован взятием Вильны, за которою последовательно сдались русским Ковно и Гродно. Торжествующий царь получил письмо от патриарха Никона, с советом: не только оставить за собой Вильну, но доискиваться Варшавы, Кракова и всей Польши. Письмом, от 1 сентября, Никон «благословил» царю Алексею писаться *великим князем литовским*. Но царь Алексей, среди своих завоеваний, встретил соперников неожиданных. То были: Карл X, король шведский, и Фердинанд III, император немецкий. Шведы, овладев Варшавой и Краковом, послали в Белоруссию генерала Деллагарди⁹⁶, который захватил Друю, и, что в особенности не нравилось русскому правительству, — завязали переписку с Малороссией. Шведам сочувствовал преимущественно Радзивилл, воевода Вильны, взятой русскими, протестант, наименовавший себя немедленно гетманом короля шведского. Столкновение с шведами, вынужденное необходимостью, сначала ограничивалось дипломатическими вежливостями, но потом произвело общее по всей Руси озлобление, и такое сильное, что в то время, когда дипломаты царя Алексея объяснялись с шведами, отвлекали от шведов и Радзивилла, патриарх Никон, дипломат своего рода, писал царю: «Радзивилла не призывать, его и так Бог предаст». Что касается императора

* Там же, стр. 337.

Фердинанда III, — он счел нужным отправить к царю послов, Аллегретти и Лорбаха, которые прибыли в Москву в октябре и, въезжая в город, удивлялись церковному строению, хвалили «стройство» ратных людей, но не были довольны отведенной им квартирой, хотя велено было в ней перекрыть капавшую горницу, поставить столы и скамьи, иметь 10 тарелок оловянных да 36 деревянных. Аллегретти говорил приставам: «У нас посламы отводят жилые дворы, на дворах постели и одеяла изготавлены бывають стройныя, скатерти и сосуды всякие, все готовое. Мы думали, что и у царскаго величества будет нам также, постели и сосудов с собою не взяли, и теперь нам без них быть нельзя». Приставы отвечали: «У великих государей наших того не повелось, чтоб ставить послов на посадских дворах; для них устроены посольские дворы; а сосуды всякие и постели послы привозят с собою». В ноябре возвратился из похода царь и имел торжественный въезд в Москву. На лобном месте он поклонился образу, и поцеловал крест из рук патриарха, указал спросить «о здорвье» весь мир, всех, стоявших у лобного места, — и все ударили челом в землю, многолетствуя за царское величество. 15 декабря представлялись царю послы императора Фердинанда III, Аллегретти с товарищи, подносными дарами которых были: две склянки с миром Николая Чудотворца, два кувшинца золотых с жемчугами, две обьяри⁹⁷ цветные, обьярь серебряная, часы золоченые, две коробки ароматов, две же коробки сахара составного*.

V

Приостановление военных действий против Польши. — Объявление войны Швеции. — Неудача под Ригой. — Перемирие с Польшей. — Уложение и устройство чина сокольничего пути. — Соколиная охота. — Договор с Курляндией. — Перемирие со Швецией. — Дела малороссийские. — Разлад между царем и Никоном. — Удаление Никона. — Кардисский мир. — Денежный кризис. — Народное волнение. — Объяснение царя с народом. — Усмирение и казни бунтовщиков. — Возобновление военных действий со стороны Польши. — Окончательный разрыв царя с Никоном. — Соборный суд над Никоном. — Снятие с него патриаршего сана и ссылка. — Андрусовское перемирие

Польская война приостановилась. Плодами ее, на первый раз, были прибавления к царскому титулу: «Указали мы — повелел царь еще в 1654 г. — в нашу царскую титулу вписать города Полоцк,

* Там же, стр. 350.

меж Рязанскаго и Ростовскаго, а Мстиславль после Кондинскаго»; в 1655 г. последовало еще прибавление к титулу: «Великий Князь Литовский, Белыя России, Волынский и Подольский»*. Однако, прибавления эти, неодобряемые поляками, не нравились и королю шведскому, послы которого явившиеся в Москву, в декабре 1655 г., за подтверждением Столбовского договора⁹⁸, не только не получили этого подтверждения, но выслушали официальное объявление, что «мирное докончание нарушено с шведской стороны» и, в знак разрыва, были переведены с посольского двора на квартиру в Замоскворечье. Объявление это последовало 17 мая, а царь Алексей, еще за два дня до того, выехал из Москвы, прибыл 4 июля в Полоцк, 15 июля выступил оттуда в Ливонию; 31 июля взял Динабург, где велел немедленно выстроить церковь Бориса и Глеба; потом, 14 августа, овладел Кокенгаузенем (Кукейносом), переименовав который Царевичевым-Дмитриевым городом, писал оттуда сестрам-царевнам: «Крепок (Кукейнос) безмерно, ров глубокий меньшей брат нашему Кремлевскому рву, а крепостию сын Смоленску граду; ей, чрез меру крепок; а побито наших 67, да ранено 480»; наконец, 23 августа осадил Ригу, по которой начал 1 сентября денно-ночную канонаду с 6 сильных батарей, но 2 октября потерпел совершенное поражение от осажденных — и отошел в Полоцк, так что за русскими оставался в Ливонии один Дерпт, хотя патриарх Никон, еще 25 мая, благословлял донских казаков идти на Стокгольм, а 30 июня поздравлял царя с взятием Канцев** Петром Потемкиным. Ожидая в Полоцке конца переговоров с поляками в Вильне, царь Алексей ноября был обрадован известием о заключении перемирия с Польшей; 2 ноября молебствовал по случаю избрания его, царя, в наследники бездетному королю польскому⁹⁹, и выехав в Витебск; 24 ноября был уже в Смоленске, откуда в декабре возвратился в Москву. К этому же 1656 г. относят сочинение самим царем «Книги, глаголемой Урядник: Новое Уложение и Устройство чина сокольнича пути». <...>¹⁰⁰ Придумать подобные выражения мог только охотник страстный, каким был, действительно, царь Алексей Михайлович, посылавший своему любимому ловчему и товарищу детства, Матюшкину, письмо, напр., такого содержания: «От Царя и Великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии столнику нашему Афанасью Ивановичю Матюшкину. Писал я к тебе наперед сево, што буду я к Москве в понедельник; и я к тебе писал неспрашався

* Сахаров: Сношения русского двора с Европою и Азиею в царствование Алексея Михайловича. Отечественные Записки. 1839 г. № 1, отд. II, стр. 49.

** Остатки этих Канцев исчезают в огородах нынешней Охты.

с собою, потому что соколов не было, да и не ведал, что боярин Борис Иванович (Морозов) послал к себе по соколы; а привели их в четверг по утру, двух: Ширяеву дикомыт* да Модину дикомыт; только их у себя они вабили** с вервьью, а без верви отнудь у них не летавали, ни поворачивали. Так мы поехали отведывать на Васильев пруд; так на первом дни, в которой их привели, летели высоко гораздо да не слазят*** к уткам, потому что еще не пора, — сам ты ведаешь, что Фомина нынеча неделя. А на другой день, в пятницу, вчерась по утру, летели хорошо, да не слазят. Так я поехал к Сущеву, да наехал прыск****, водою налило, меж Сущева и Напруднова. Так отпустили сокола Модина, и он хорошо полетел, да не слез; а утки многие связыи и шилохвасты и чирята; а в длину вода та в сажень и поперег 2 сажени, да тем хорошо, что некуда утечь, нет иных водич близко. Так Модину тому соколу дали вабило, да отпустили сокола Семена Ширяева дикомыт; так безмерно коково хорошо летел, так погнал да осадил в одном конце два гнезда шилохвастей, да полтредя (2½) гнезда чирят; так в другореть погнал, так понеслось одно утя шилохвост, и милостию Божиею и твоими молитвами и счастием, как ее мякнет по шее, так она десятью перекинулась, да ушла пеша в воду опять; так хотели по ней стрелять, погаели што худо заразил¹⁰¹: и он ее так заразил, што кишки вон; так она поплавала немношко, да побежала на берег, а соколот и сел на ней. А я тебе объявляю, и сестрам скажи покороче того, што написал; а прислать было к ним («зараженную» утку) никоими мерами нельзя, потому што соколом скормили — первое утя убил, штоб не покручинились. А ныне я еду под Тушино с соколами; а я буду поутру в пятницу коньчяе к Москве, потому што я Борису Ивановичю велел послать по старых по трех соколов. А што тебя боярыни спрашивают про детей своих, и ты скажи, што дал Бог здорово, а коли которой зане может, и я к тебе тотчас отпишу то. Да для Христа голубей пришли гнезд з 20: птицы у меня поспевают, а голуби все изошли, а надобить и в вабило и всюды; где нибудь добудь черных, да пришли, да и сам приедь ко мне с голубми теми на день на другой. А от меня тебе: будь здоров во веки. Аминь. Писан на нашем стану в селе Покровском

* Дикомыт — сокол, успевший уже «перемытиться» вполе, т. е. налетаться до обучения охоте.

** Вабить — значит: приманивать. Отсюда — вабило, приманка, состоящая из птичьего крыла смясом.

*** Слазить — термин охотничий, значит: не лететь, но быстро ширять сверху вниз, на добычу.

**** Прыск — место, где налилось воды так много, что она прыщет.

Апреля в 11 день». Приписка другой рукой: «Купи да пришли хороших на челига соколя колокольцов*»; а деньги из дворца»**.

Со всем тем война шведская лежала на сердце царя так тяжело, что, 23 февраля 1657 г., царь и бояре приговорили промышлять всякими мерами, чтоб привести шведов к миру. Поручение это было возложено на воеводу Кокенгаузенского (или Царевичева-Дмитриева города), Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, — одного из самых способных дипломатов и лучших людей того времени. Действуя и пером и оружием, Ордин-Нащокин, после нескольких боевых встреч с Делгардием и Горном¹⁰², искусными генералами шведскими, успел не только ослабить шведов, но расположить курфюрста бранденбургского, короля датского и герцога курляндского в пользу России, а 20 января 1658 года, даже заключил с Курляндией договор, выгодный для России, за что 28 апреля возведен в звание думного дворянина и получил похвальную грамоту такого содержания: «От Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея великия и малыя России Самодержца, в Царевичев-Дмитриев, воеводе нашему Афанасью Лаврентьевичю Ордину-Нащокину. Пожаловали мы, Великий Государь, тебя Афанасья, за твои к нам, Великому Государю, многия службы и радение, что ты, помня Бога и Его святая заповеди, *алчных кормиши, жаждущих поиши, нагих одеваеш, странных*¹⁰³ *в кровы вводиши, еще и ноги умываеш*, и наше, Великаго Государя, крестное целование исполняеш, нам, Великому Государю, служил, о наших, Великаго Государя, делах радееш мужественно и храбро, и до *ратных людей ласков*, а ворах не спущаеш, и против свейскаго короля славных городов стоишь с нашими людьми смелым сердцем, — указали тебе быть в думных дворянах. И тебе бы думному дворянину и наместнику шацкому¹⁰⁴ Афанасью Лаврентьевичю о наших государских делах радеть и выше прежняго; а служба твоя пред нами, Великим Государем, забвена никак не будет»***. Хлопотами Ордина-Нащокина заключено было с шведами 20 декабря 1658 г. перемирие на три года, причем остались за царем все завоевания русских в Ливонии. — Независимо от Швеции, но одновременно с нею, заботила царя и Малороссия, где Богдан Хмельницкий, в 1657 г., договаривался, без ведома Москвы, с Швецией и Трансильванией, потом помогал

* Колокольчики и клубочки необходимый наряд охотничьего сокола.

** Сборник Муханова. Изд. 1866, стр. 222–223.

*** Калиновский. Биографические сведения о первом в России канцлере, боярине Афанасие Лаврентьевиче Ордине-Нащокине. Труды и летописи общества Истор. и Древн. Росс. 1833. Ч. VI, стр. 178–179.

Польше, и умер, оставив гетманское достоинство сыну своему Юрию, у которого на время его несовершеннолетия и обучения перенял гетманство Выговский¹⁰⁵ в 1658 г. открыто изменивший Москве заключением так называемого Гадячского договора с Польшей, приобретающей прежние права на Малороссию. Наконец, в том же 1658 г., по свидетельству очевидца, «нача быти безсовестиеи раздор между благочестивейшим царем и святейшим патриархом Никоном»*. Виновниками этого «бессоветия» были главным образом бояре: своевольные и корыстолюбивые советники царя, завидовавшие влиянию патриарха и негодовавшие на его суровость со стороны церковной. Строгий блюститель древних преданий православия Никон, по своему обычаю, ревновал о вере до увлечения и, впадая в односторонность, отбирал у бояр-западников латинские органы и фряжские иконы¹⁰⁶, преследовал даже немецкое платье**. Бояре мстили Никону, чем могли, и один из них, «боярин Семен Стрешнев» — рассказывает сам Никон — «научил некоего пса, себе подобного, седети, и коже при вознесении Господь наш воздвиг руце, и благослови своя ученики, тако и того пса изучил обоими передними ногами ругатися благословению Божию и назвали того пса Никоном патриархом»***. Никон жаловался на это царю, но управы не было: раздраженный неудачами русского оружия против шведов, царь охладел к патриарху, главному внушителю шведской войны, и бояре воспользовались удобным моментом разъединить знаменитых друзей. Царь перестал ходить в собор, когда служил патриарх, не приглашал Никона на официальные обеды во дворец, оставил без внимания жалобу Никона на оскорбление его боярина, побитого палкой боярином царским, и Никон, 13 июля 1658 г., удалился в свой Воскресенский монастырь, в 1659 г. перекидывался с царем жесткими письмами, а 14 августа 1660 г., постановлением Московского собора, признан отрекшимся от патриаршества****. Заключение, 21 июня 1661 г. Кардисского***** мира с шведами, в силу которого царь уступил все свои завоевания в Лифляндии и принял на себя разные денежные обязательства, — также не служило в пользу Никона, обвиняемого всеми за совет царю: воевать с шведами. Но виноват

* Шушерин. Житие святейшего патриарха Никона, писана келейником его. Изд. 1784.

** Берх. Царствование царя Алексея Михайловича. Изд. 1834. ч. I, стр. 222–223.

*** Грамота Никона к Константинопольскому патриарху Дионисию с рукописи Воскресенского монастыря.

**** Дело патриарха Никона. Русская Речь. 1861 г. № 43, 46, 50, 51, 74–76.

***** Кардис — городок между Дерптом и Ревелем.

был, разумеется, не Никон. Правительство московское, не умея ни смирить волновавшуюся Малороссию, ни одолеть Польшу, начинавшую, после перемирия, одерживать победы, распорядилось и у себя дома так плохо, что своими мерами подготовило тяжкий финансовый кризис. Дело в том, что еще с 1656 г., по совету ученого и доброго, но не дальновидного, Федора Михайловича Ртищева, выпущены были медны деньги, имевшие нарицательную цену серебряных и ходившие по этой цене в 1657 и 1658 гг. Но с сентября 1658 г. медные деньги начали понижаться в цене, так что на рубль надо было давать лажу¹⁰⁷ 6 денег, а с марта 1659 г. — 10 денег и наддача возрасла в такой прогрессии, что в 1663 г. за рубль серебряный надо было давать 12 руб. медных. Народ обнищал и завопил. К довершению беды явилось множество воровских (фальшивых) денег. Пойманные с такими деньгами отвечали под пытками одно: «Мы сами воровских денег не делаем, берем у других не знаючи». Денежные мастера, серебряники, котельники, оловянишники и тому подобные ремесленники, благодаря медным деньгам, зажили припеваючи. За ними усугубили надзор, преступникам отсекали руки, которые прибавали к воротам денежных дворов, но зло не уменьшалось, а нищета и неудовольствиеувеличивались. Заговорили о взяточничестве и казнокрадстве Милославского, царского тестя, и Матюшкина, за которым была родная тетка царя по матери (Стрешнева). На них поступили доносы; царь сердился на тестя и отставил дядю. Весной 1662 г. прошел слух, что чернь собирается и быть от нее погрому на недругов народного благосостояния: бояр Милославских, окольного Ртищева и гостя Шорина, обвиняемых за перемены в денежном деле. 25 июля, на Лубянке, явилось приклеенным к столбу возмутительное письмо¹⁰⁸ — и началась кутерьма. Приказные люди сорвали это письмо и хотели отвезти к государю, находившемуся в подмосковном селе Коломенском. Народ не дал приказным письма, велел читать его в слух, кричал, что «за это надо всем стоять», — и сам, многолюдной толпой, понес письмо в Коломенское. Царь, слушавшийобедню, завидел народную толпу, услышал имена Милославских и Ртищева, понял в чем дело, приказал Милославским и Ртищеву спрятаться, удалил царицу, царевичей и царевен в хоромы, где они сидели запершись, ни живы ни мертвы от страха, — и вышел к народу. Толпа приблизилась; впереди был стрелец, с письмом в шапке. Один из народа подал это письмо царю, говоря: «Изволь, Великий Государь, вычесть письмо перед миром, а изменников привесть перед себя». — «Ступайте домой, — отвечал царь — а я, как только отойдет обедня, поеду в Москву, и в том деле учиню сыск и указ». Но народ держал царя

за платье, за пуговицы, и кричал: «чему верить»? Царь клялся именем Божиим и на своем слове, ударил по рукам с кем-то одним из народа. Тогда все спокойно возвратились в Москву, никем не преследуемые, а царь пошел дослушивать обедню, послав, однако, перед собой в Москву боярина князя Ив. Анд. Хованского, который наехал здесь на толпу, грабившую дом Шорина, и уговаривал ее разойтись, в ожидании царя. Но толпа не слушалась и, вслед за Хованским, повернувшимся назад, в Коломенское, отправилась к царю, везя с собой на телеге сына Шорина, 15 летнего мальчика, принужденного свидетельствовать на своего отца. Эта новая толпа встретилась с первою, шедшею из Коломенского, и уговорила ее возвратиться, а боярина Сем. Лукьян. Стрешнева, попавшегося случайно на встречу, чуть не убила палками, так что тот едва спасся. В Коломенском царь садился уже на лошадь, чтоб ехать в Москву, когда к нему подвели молодого Шорина, который начал выкрикивать заученную сказку, что отец отправился в Польшу с боярскими грамотами, хотя старик Шорин был спрятан в кремлевском доме князя Черкасского. По окончании выкриков мальчика, народ завопил: «Выдай изменников!» — «Я государь, — отвечал Алексей Михайлович — мое дело сыскать и наказание учинить, кому доведется по сыску; а вы ступайте по домам; дела так не оставляю, в том жена и дети мои поручаю». Но толпа не унималась: «не дай нам погибнуть напрасно!» кричали одни; «буде даром тех бояр не отдашь, то мы станем брать их у тебя сами, по своему обычаю!» кричали другие, махая палками. Тогда царь подал знак, стоявшим около него стрельцам и придворным, двинуться на толпу, которая, собравшись вовсе не за тем, чтоб сражаться, бросилась в разные стороны. Беглецов начали хватать; некоторые защищались, но напрасно. Человек 100 утонуло в реке; больше 7,000 было перебито и переловлено, тогда как крикунов было всего человек с 200, а прочие толкались просто из любопытства. Всех переловленных отвезли в Угрешский монастырь*, там начались пытки. Главного виновника, сочинителя письма, не нашли; наказали тех, кто суетился заметнее других: — вешали, резали ноги, руки и ссылали в дальние города**. Но народ все таки добился своего, потому что в 1663 г. медные деньги отменены указом: в приказах велено их запечатать, а частным людям сливать, — что, однако, частными людьми не выполнялось, так как 20 января 1664 г.

* Угрешский Николаевский монастырь муж., 3 класса, находится в 15 в. от Москвы на левом берегу Москвыреки в урочище, слывущем Угреша. Основан в 1831 г.

** Соловьев. Ист. России. Т. XI, стр. 234–238. Изд. 1870 г.

последовал указ, гласящий, что в Москве и на городах объявляются медные деньги «портучены» (натерты ртутью), а иные посеребрены и полужены. Известно также, что за порчу денег переказнено до 7,000 челов., да искалечено отсечением рук или ног и наказано ссылкой и отобранием имущества больше 15,000 чел.

Огорченный бунтом москвичей, царь не радовался и войне с поляками, которые осенью 1661 г., овладели снова Гродном, Могилевом и Вильной, в 1662 г. отказались помириться с тем, чтоб, взяв себе Смоленск, оставить царю южную Ливонию, а осенью 1663 г. вошли в Малороссию, где полководцы польские, Чернецкий и Ян Собеский (впоследствии король), действовали с успехом, быть может, благодаря внутреннему разделению малороссиян. Огорчения царя увеличивались и открытым раздором его с патриархом Никоном, который, после многих выходов, ронявших его достоинство, как иерарха, внезапно, ночью с 17 на 18 декабря 1664 г., явился из Воскресенского монастыря прямо в Успенский собор, где шла заутреня, стал на патриаршее место и послал известить царя о своем прибытии. Царь, встревоженный такой неожиданностью, собрал к себе наличных архиереев и, по их совету, тою же ночью, повелел Никону возвратиться откуда приехал. Никон, садясь в сани для обратного отъезда, произнес слова евангельские: «идеже аще не приемлет вас, исходя из града того, и прах прилипший к ногам вашим отрысите во свидетельство на ня» — и в самом деле, начал отрясать ноги. Стрелецкий полковник, наряженный провожать Никона, отвечал ему: «мы этот прах подметим». — «Да разметет Господь Бог вас оною божественною метлою, иже является на дни многи!» возразил Никон, указывая на небо, где, в это время, сияла ярко хвостастая комета. Из Чернева, по дороге в Воскресенский монастырь, Никон возвратил, потребовавший от него, посох св. Петра митрополита и письменно просил дозволения: «приехать в Москву, помолиться Богородице и видеть государевы очи». На эту просьбу получен Никоном такой ответ: «Великий Государь указал тебе сказать: для мирской многой молвы ехать тебе теперь в Москву непристойно, потому что в народе теперь молва многая о разности в церковной службе и печатных книгах*, и от твоего в Москву приезда и по готову ждать в народе всякаго соблазна, потому что патриарший престол оставил ты своею волею, а не по изгнанию; так для всенародной молвы и смятения изволь

* Известно, что исправление церковно-служебных книг, сделанное Никоном и одобренное вполне даже соборными судьями Никона, положило начало так называемому старообрядчеству, из которого, по времени, выделялись разные толки (секты), слывущие вообще раскольничьими¹¹⁰.

теперь ехать назад в Воскресенский монастырь, пока будет об этом собор Москве и к собору приедут вселенские патриархи и власти; в то время дадут тебе знать, чтоб и ты приезжал на собор, а на соборе Великий Государь станет говорить обо всем». Пользуясь временем, Никон хотел сам объяснить предварительно патриархам свое дело и заготовил к ним грамоты, которые он нашел случай отправить с людьми Брюховецкого, гетмана малороссийского¹⁰⁹, приезжавшего в Москву, в сентябре 1665 г. Но грамоты Никона были перехвачены и послужили одним из веских пунктов к его обвинению, потому что заключали в себе разные обличения на самого царя. В 1666 г. приехали в Москву, по приглашению царя, патриархи: Паисий александрийский и Макарий антиохийский, с полномочиями от патриархов константинопольского и иерусалимского, — и начался соборный суд над Никонем. Суд этот явил Москве зрелище небывалое: царь и патриарх выслушивали допросы, давали объяснения, винили друг друга, словом, действовали, как самые обыкновенные подсудимые. Результат этого суда можно было предвидеть заранее: царь Алексей «оправлен», а патриарх Никон обвинен и присужден к лишению сана, архиерейства и священства 12 декабря, приговор этот был исполнен патриархами в надвратной церкви Чудова монастыря, снятием с Никона клобука и панагии, а 21 декабря, Никон, как простой монах, был уже привезен в Белозерский Ферапонтов монастырь*, назначенный ему местом ссылки. Туда сопровождал Никона архимандрит Новоспасский Иосиф, которому дан был наказ: «беречь, чтобы монах Никон писем никаких не писал и никуда не посылал; беречь на-крепко, чтоб никто никакого оскорбления ему не делал, монастырским ему владеть ни чем не велеть, а пищу и всякий келейный покой давать ему по его потребе». Царь прислал Никону денег и шубуна дорогу; Никон не взял; царь просил благословения себе и всему семейству своему, — Никон не дал**.

* Монастырь этот, известный официально под названием Рождественского Белозерского, основан преподобным Ферапонтом, учеником св. Сергия Радонежского, в 1397 г., и находится в 30 верстах от города Белозерска, уездного, Новгородской губернии.

** Первые месяцы своего заточения в Ферапонтовом монастыре Никон содержался строго, под крепкой стражей. Потом, дав благословение царю Алексею, получил облегчение от тяжкого надзора. 2 июня 1677 г. переведен царем Федором в Кирилов-Белозерский монастырь, откуда в 1681 г. возвращен в свой Воскресенский монастырь, но на пути туда ум. в Ярославле 17 августа 1681 г. На погребении тела его, по чину патриаршему, в Воскресенском монастыре присутствовал сам царь Федор со всей своей семьей. После отпевания на гробе Никона положены загашенные свечи, — в знак погашения всякой вражды к почившему.

13 января 1667 г., ровно через месяц по низложению Никона, Афан. Лаврент. Ордин-Нащокин, в 1662 г. пожалованный воеводой псковским, в 1665 г. званием окольного, заключил с поляками, в Андрусове* перемирие на 13½ лет, по 34 статьям которого Россия приобретала Смоленск, Киев и всю восточную сторону Поднепровья, права свободной торговли в областях польских, гарантию для диссидентов (польские подданные греко-российского исповедания), наконец, обязательство Польши не вступать в союзы с врагами России, особенно с ханом крымским; а Польше возвращались: Витебск, Полоцк, Динабург, Режица, Люцин, вся Ливония и западный берег Днепра, с тем, чтоб казаки запорожские состояли под покровительством обеих договаривающихся держав**. Договор Андрусовский, часто потом объяснявшийся, дополнявшийся и ссоривший обе стороны, заслужил дипломату, его заключившему, награду высокую: Ордин-Нащокин был возведен в сан ближнего боярина и дворецкого. Но Малороссия, разорванная договором Андрусовским на две отдельные части, очутилась в положении жертвы. Представитель ее, гетман Брюховецкий, тянул к Польше. Но соперник Брюховецкого, энергичский Дорошенко, преемник Тетери¹¹¹ на правой стороне Днепра, понимал хорошо, что ни разлагающаяся Польша, взятая тогда восстанием Любомирского¹¹², ни православная Москва, вводящая всюду свои порядки, — не могут быть надежными покровителями Малороссии. Дорошенко решился обратиться к Турции, сумел хитро вовлечь в свой план Брюховецкого, которому льстил видами на гетманство обеих сторон Днепра, успел сделать своего соперника изменником Москве, — и Брюховецкий, попавшись в сети, расставленные ему Дорошенкой, выдан, схвачившими его казаками Дорошенки, черни местечка Опошны, которая тогда же, в феврале 1668 года, убила изменника дубьем***.

VI

Новый торговый устав. — Посольство стольника Потемкина и дьяка Румянцева в Испанию и Францию. — Дневник, веденный французом Катё во время русского посольства во Францию

Успокоенный со стороны Польши договором Андрусовским, царь Алексей Михайлович желал приняться за дела внутренние, и 7 мая 1667 г., обнародовал «Новоторговый Устав», которым запрещались

* Андрусов деревня Краснинского уезда Смоленской губернии, в 26 верстах от города Красного.

** Полн. Собр. Законов Росс. Империи. Изд. 1830 г. т. 1, № 465.

*** Бантыш Каменский. История Малой России. Изд. 1842 г., ч. II, стр. 100–101.

иностранцам — по жалобам русских купцов на подлоги — не только продажа поддельных и дурных товаров, но продажа жемчугу и драгоценных камней, наконец, всякая розничная торговля*. В тех же торговых видах, царь Алексей, 4 июня 1667 г., «велел стольнику и наместнику боровскому Петру Ивановичу Потемкину¹¹³ да дьяку Семену Румянцеву ехать к Ишпанскому Филиппу (IV)**», да ко Французскому Лудвику (XIV) королям, в посланниках, для объявления, что Великий Государь, его царское величество, с их королевскими величествами, в братственной дружбе и любви быть хочет; чтобы послы и посланники безо всякого опасения приходили от королевских величеств в великое российское царствие, и чтобы французского и испанского государств торговые люди со всякими товарами приехали торговать в Московское государство». Статейный список¹¹⁴ этого посольства дошел к нам, сохранив множество любопытных подробностей, из которых мы приведем только интереснейшие в бытовом отношении. Так, когда русские послы прибыли 4 декабря в Кадиксу и остановились за 3 версты от города на море, к ним явился нарочный «капитан» от местного «воеводы», сопровождаемый дворянами, и сказал: «прислал их воевода Мартын де Сейс к вам царского величества посланником, как вы изволите: в Кадиксе ли быть до королевского указа или в Портомарии»?*** И Петр (Потемкин) и Семен (Румянцев) говорили: «на приятстве воеводы Мартына де Сейса кланяемся, что прислал вас к нам; а что говорите, в Кадикс ли нам ехать или в Портомарию, в том покладаываемся на его волю». В Портомарии, послы требовали, по русскому посольскому обычаю, даровых кормов, подвод и дворов. Но 12 декабря «приходил от Дюка де Медина Целии племянник его, маркез Клискор, да с ним 6 чел. начальных людей спросить о здоровье, и говорил: «чтоб вам, царского величества посланником, не покручиниться на дядю его, дюку де Медина Целий; принять ему вас без королевского указа некоторыми делами не мочно; а как королевского величества указ о том будет, и вам царского величества посланником, по указу королевского величества, всякая достойная честь учинена будет. А чаять, что вам, посланником, от королевского величества честь будет свыше иных государств послов, потому присланы вы от Великого Государя, от его царского величества, впервые: *как и государство Испанское стало, послов и посланников из великого Российского царства никогда*

* Полное Собр. Зак. Т. 1, № 408. — Собр. Гос. Грам. и Догов., ч. IV, № 55.

** На Руси еще не знали, что Филипп IV король испанский умер в 1665 г. и ему наследовал малолетний сын его, Карл II.

*** Портомария — порт св. Марии, в 4 милях от Кадикса.

не бывало; а Великаго Государя вашего, его царскаго величества имя во всех государствах славно». 31 декабря навестил посланников «воевода Мартын де Сейс», которого, «по разговорех», посланники «подчивали по чину посольскому, и подарили его двумя пары соболей, Великаго Государя казны, для того, что он воевода посланников принимал, и кореты и подводы под них и подо всех посольских людей дал, и за двор, что в Портомарии стояли посланники и все посольские люди заплатил по 10 ефимков на сутки...»^{*} и он с великою честью приняв, били челом, и никому их (соболей) нести не дал: сам из палаты понес. Да он же, воевода Мартын, дарил стольника Петра Ивановича (Потемкина) суденышком серебряным, в 20 золотников; и стольник Петр, против того, дарил его от себя исподом белым хребтовым добрым¹¹⁵. И на подарках стольника Петра кланялся (воевода Мартын) с великим учтивством и говорил: «в чем вы, царскаго величества послы, прикажете послужить, и я вседушно рад всякаго добра делать». 18 января 1668 г., в Севилье, посетил послов «севильский державец, Конт де Уманис». И посидев, Конт де Уманис говорил: «Севилия де город в Испанском государстве славный, инаго такого города нет; и буде вы, царскаго величества посланники, изволите посмотреть костела и королевскаго двора, на котором он живет, и он пришет под вас корет, сколько надобно». И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: «за твое приятство крайне челом бьем; а ехать нам смотреть королевскаго двора, на котором ты живешь, невозможно: потому, не видев Великаго Государя вашего, его королевскаго величества очей, и не отправя посольства по указу Великаго Государя нашего, его царскаго величества, для чего мы посланы к королевскому величеству, ни к кому ехать нам наперед невозможно. И тебе бы, приятелю нашему, за то на нас не подивить, а к королевскому величеству, не задерживав, нас отпустить». «Того ж числа прислан Конт де Уманис к стольнику Петру со всякими овощами, которые в Севилии родятся: виноград, миндальные ядра, винные ягоды, лимоны свежие, гранаты, орансы (апельсины), яблоки, груши, оливки, из которых масло деревянное бывает, дули, цытроны (?), орехи грецкие, да олкану (пликанте) испанскаго вина. И стольник Петр людей его дарил ефимками от себя». 27 февраля, послы достигли Мадрида: «А на посольский двор приехали в полчаса ночи, и у посольскаго двора и на дворе стояли со свечами большими с восковыми человек с 30. А как шли в палаты по лестницам, стояли

* Ефимками (Joachimsthaler) — русские называли тогда безразлично: английские шиллинги, голландские гульдены, немецкие рейхсталеры и проч. Цена ефимку около полтины. Фунт ефимков стоил 7 рублей.

по обе стороны всяких чинов люди... А как вошли в палаты, и пристав говорил: «По указу королевского величества, стол про вас, посланников, готов по чину посольскому с поставцом, а подчивать велено мне вас, посланников; и присланы от королевского величества ключник и дворовые люди, которые бывают при столе королевском, 60 чел., а кушанье про вас готовят королевского величества повары, и приспешники, с 60 же чел.». И после того, немного помешкав, «свийский (шведский) посланник, да нидерландские и голландские земли посол, присылали к посланникам спрашивать о здоровье дворян. А посланники, стольник Петр и дьяк Семен, посылали к ним спрашивать о здоровье... И после того, *с полчаса помолчав*, пристав звал посланников и дворян за стол; и как сели есть, пристав с ними ж сел; а ключник у стола стал, дворовые королевские люди есть носили перед посланников и перед дворян, и перед переводчика, и перед подъячим; и перед толмача на серебряных блюдах. Ествы у них были, по их извычаю, рыбные и из трав разных, устроены с деревянным маслом¹¹⁶; а после ставили сахара и разные овощи (фрукты). Вместо вина, подносили водку коричную, пить приносили воду вареную лимонную и коричную с сахаром, испанское вино и пиво. А людей посольских кормили в особой палате с честью ж: есть перед них носили королевские ж люди на серебряных блюдах, и тарелки были, серебряные ж». 28 февраля, у посланников с приставом, Францышкой де Лира, происходили разговоры, весьма курьезные. Пристав расспрашивал о царе — и послы, по наказу, данному им в Москве, говорили: «Великий Государь наш (полный титул), его царское величество, ныне в совершенном возрасте, 40 лет; а *дородством, и разумом и красотою лица, и милосердым нравом, и всеми благими годностями, Всемогущий Бог украсил его*, Великаго Государя нашего, его царское величество, *хвалим достойнаго паче всех людей*. И ко всем людем к подданным своим и к иноземцам его царское величество милостив и щедр; своею государскою милостию всех призирает, и по своему государскому рассмотрению чести дарует комуждо по достоинству, и всех всем изобильствует, и никтоже, видя его царское лице, печален отходит. Также Великий Государь наш и наукам премудрым, *философским* многим, и храброму учению навывчен, и к воинскому ратному к рыцарскому строю хотение держит большое, по своему государскому чину и по достоянию. И но тому его государскому бодроопасному разуми и храбству, и милосердому нраву достоин он, Великий Государь, содержать и иныя многия земли и государства». После такого наказнаго панегирика и перечисления, поименно, всей семьи царской, с указанием возраста каждого лица, зашла речь об икре армянской¹¹⁷. Пристав говорил: «та армейская икра откуду

в Московское государство приходит»? — Стольник Петр и дьяк Семен говорили: «тоя арменския икры многия тысячи (чего?) приходит Великаго Государя нашего, его царскаго величества, из Астраханскаго великаго царства, в великих насадех (род судов), Волгою рекою. Также множество рыб великих, что ни в которых государствах не обретається, кроме Великаго Государя нашего, его царскаго величества державы. Также и соли безчисленное множество, и винограда, винограднаго вина, и шелка, и иных товаров из тогож великаго царства Астраханскаго приходит. А которыя суда из того великаго Астраханскаго царства с товары приходят, таковы велики: По 1,000 человек и больше на тех судах бывает». 2 марта, «в вечеру, у стольника у Петра, моления его у иконы Пресвятыя Богородицы Казанския, из венца пропал яхонт лазорев, да с поставца чашка яшмовая, 3 тарелки да стакана 3 серебряных; а на другой день, 3 марта, у крестоваго священника, Ивана Михайловича, обрезал испанец у двух кафтанов пуговицы серебряныя; и того вора паймали с теми пуговицами посольские люди». На распросе Францышкой де Лирой, пойманый мошеник сознался и в первом воровстве у Потемкина. В тот же день, 3 марта, украденные вещи были принесены посланнику самим де Лирой, который, отдавая их Потемкину, говорил: «Королевско де величество* велело тебе, царскаго величества посланнику, сказать, чтоб тебе не покручиниться, учинилась такая спона¹¹⁸ от беса; а королевину величеству за великий то гнев, что учинилось так; а того де вора указала королева казнить». Потемкин отвечал де Лире: «На милости королевина величества челом бью. Что было покрадено, и то в целости все принесено. А того человека, который крал, чтоб королевино величество пожаловала не велела его казнить, а велела бы ему учинить наказанье, как их королевское величество изволит». Просьба Потемкина была уважена, и вор, вместо казни, отправлен в каторгу на семь лет. 7 мая, послы имели приемную аудиенцию у Карла VI и его матери, которым они представили тогда же государевы «любительныя поминки» (дары), причем заметили, что «как понесли мехи горностаевы, и в то время королевское величество светел учинился, и пришед изволил их смотреть, и шляпу скинул в то время с себя на землю; и королевино величество почала безмерно быть светла ж видя сына своего, королевское величество, весела». 20 мая, у послов начались и продолжались несколько дней пререкания с испанцами о царском титуле в королевской «любительной» грамоте. Потемкин, соглашаясь, что

* Карл VI, тогда 6-летний, состоял в опеке своей матери Анны Австрийской (у наших послов — «дона Марьяна де Устрия»), вдовы короля Филиппа IV.

«во списке с королевския грамоты, каков принесен к ним, посланником, на латинском языке, Великаго Государя его царскаго величества, именованье и титулы написаны сполна и по чину, как он, Великий Государь, его царское величество, сам себе описует», требовал объяснения: «во грамоте королевской для чего на подписи^{*}, на испанском языке написано не против того было»? — Пристав де Лир утверждал, что «против латинскаго языка испанскаго языка слов не сойдется, и слово в слово написать чиновно так не мочно». Потемкин возражал: «с испанскаго языка, подпись перевели у нас на русский язык; и нам о том подлинно ведомо от переводчиков, что написать мочно, против того латинскаго списка, и во грамоте на испанском языке слово в слово». Напрасны были все убеждения де Лиры, что «Великаго Государя, его царскаго величества, именованье и титулы все написаны во грамоте королевскаго величества, как настоят по их науке, а окроме того на испанском языке написать не мочно». Русский дипломат, не пускаясь в философския тонкости, стоял на своем, грозил не принимать грамоты и добился таки своего: 24 мая, «у королевскаго величества с думными людьми о том сиденье было», — и грамоту велели переписать, «для статския дружбы и любви с Великим Государем, с царским величеством». 30 мая послы выехали из Мадрида, 3 июня осмотрели «Кляштор Скурьял» (монастырь Эскуриал) и 3 июля остановились в первом французском городе Байоне. — Того же числа, приходил к посланникам французуженин того двора, где они стоят, и говорил: «как вы, царскаго величества посланники, изволите есть? А у него все готово». — Стольник Петр и дьяк Семен ему велели сказать, что они в постные дни рыбы не едят; а как будет время, и у них готовить будут ества свои повара. И тот французуженин сказал: «у нас де чин такой: кто у кого на дворе стоит, у того человека едят и пьют, а ему деньги за то платят». И посланники велели у него спросить: сколько еств у него будет? и каковы ествы? и что за весь стол ему будет взять? И тот французуженин сказал: изволили-б де посланники кушать, все им будет готово, а лишние заплаты за тот стол не возьмем. И после того принесли челядинки его скатерть и еств. — И после обеда посланники велели спросить: что прислать к нему за тот обед заплатить? И он велел прислать за тот обед 50 ефимков; а только было 9-ть еств рыбных, да вино французское». Посланники нашли цену эту «безмерно высокою» и, опасаясь проесться в ожидании королевскаго указа, просили к себе местного «державца, маркеза де Сенпея»,

* Подпись в этом смысле и на языке того времени должно разуметь подписью, заголовком.

который, 4-го июля, объяснил им, что «у королевского величества иных государей послом корму и подвод не бывает; а что о посланниках царского величества какой указ королевского величества будет, того ему ведать невозможно». Посланники объявили, что, не желая зазимовать «за морем», они требуют, чтоб за подводы, которые наймутся ими самими от Байонны до «Бордоя» (Бордо), были выданы деньги в «Парисе» (Париже), куда надо поспеть им в июле». Маркиз де Сенпей обещал написать об этом «маршалку дюку де Грамону» и предупредил послов, что в Байонне со всякой рухляди собирается пошлина двумя откупщиками: одним — на короля, другим — на дюка де Грамона, из которых первый откупщик его, «маркеза», послушает и посланников уважит, а откупщик дюка — никого не слушает. 8 июля откупщик этот пришел к посланникам и говорит, «чтобы де посланники велели дать сто дублонов золотых пошлины со всего, что у них есть посольского платья¹¹⁹ и всякой рухляди». И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: «купецких людей с нами и товаров никаких нет, кроме посольского платья; никто ничего не продавал, имать тебе пошлины у нас не с чего». И тот откупщик увидел у посланников образы окладные¹²⁰, Спасов, да Пресвятая Богородицы и говорил: «не токмо де с вашего посольского платья и со всякой рухляди, пошлину возьмем и с образов, что на них оклады серебряные, с камнем, и жемчуга». И стольник Петр и дьяк Семен говорили: «Враг креста Христова, как ты не утрашился так говорить, что с образа Создателя нашего и Господа Иисуса Христа сына Божия и Пречистой Его Матери Пресвятая Богородицы, что на тех святых и честных иконах утварь устроена по нашей благочестивой христианской вере, и ты и с того хочешь пошлину, скверный пес, взять? Не токмо было тебе с тех пречестных и святых икон пошлину имать, но и с посольского нашего платья и с рухляди никоими меры имать было не мочно, потому посланы от Великаго Государя нашего, от его царского величества к Великому Государю вашему, к его королевскому величеству, для великих их государских дел и братской дружбы и любви; а купецких людей и товаров никаких с нами нет, для того и пошлин имать тебе с нас было не мочно. А видя твое бесстыдство и нрав зверской, как псу гладному или волку, несыту имущу гортань восхищати от пастырей овцы, так тебе бросаем золото, яко прах». И выговоря ту речь, стольник Петр бросил ему 100 золотых своих двойных на землю. «И бросаю ему те золотые, взял на него письмо на голландском языке за его рукою, чтоб было про то ведомо у королевского величества в Парисе, что пошлину взял тот откупщик». Остановившись, 14 июля, в Градиньяно, в 5 верстах от «Бордоя» (где в казенном помещении было отказано), послы, 18-го июля,

получили визит к ним «королевской гарды капитана Мунье», который, спросив послов о здоровье, говорил им: «извольте стать на моем дворе в палатах, мне де то в великую честь, что Великаго Государя, его царскаго величества послы у меня на дворе стоять будут». Послы, приняв приглашение гостеприимного Мунье, в тот же день перебрались из своих палаток к нему, — и здесь нашел их, 31 июля, кавалерийский полковник и придворный дворянин Катё (у наших послов — Катуй), присланный от короля приветствовать послов и взять на королевский счет все издержки. Этот Катё вел любопытный «дневник о москвитях, прибывших во Францию в 1668 г.» — дневник, к которому и обращаемся мы, оставляя официальные статейные списки*. Ряд заметок иноземца о русских дипломатах в XVII в., конечно, любопытен весь; но мы извлечем только такое, что подходит к задаче нашего очерка, преимущественно бытового. Вот наши извлечения из «дневника» Катё. 31-го июля: «На переданныя мною от имени его величества приветствие и предложения Потемкину, он отвечал с большим почтением и признательностию, посадил возле себя своего сына, дьяка и меня, велел подать стулья г. Мунье, его жене, в присутствии которых просил меня передать королю о их любезности и обязательности». 2 августа, при въезде в Бордо: «Потемкин сел в первую карету с правой стороны, а дьяк, который с ним не ладил и считал себя в праве ни в чем ему не уступать, кроме правой стороны, сел с левой... Дьяк не только в этот раз сажился в одну карету с послом, во все время пребывания их во Франции. Потемкин старался всегда, чтоб карета его сына предшествовала той, в которой он сам ехал, дабы этим показать, что его сын не уступает дьяку, ехавшему вслед за каретой посла; но когда они ехали в королевских каретах, сын не мог опередить дьяка**. Тотчас по приезде нашем (в Бордо), один из священников положил на столе в комнате посла золоченый крест, приблизительно в 1 фут длины, с частицею животворящего креста, а вокруг разложил небольшие иконы: Спасителя, Божией Матери, св. Николая и других святых, 3 больших молитвенника и 4 лампадки, в которые вставил маленькие светильни, зажигаемые во время молитвы, что соблюдалось в продолжении всего путешествия. Городские старшины явились к послу с подарками, состоявшими из вина, водки, фруктов и варенья, и приветствовали его. Но лишь только говоривший речь произносил слова:

* Статейные списки посольства стольника Потемкина в Испании и во Франции, в 7175. Древн. Гос. Вифл. Изд. 1778 ч. IV, стр. 360–564. Записки посланников Потемкина и Румянцева. Сын Отечества 1851, № 7. Отд. II, стр. 1–16.

** Стало быть, «московские местники» считались и во Франции.

царь московский, Потемкин прерывал его и никогда не терпел, как в этом, так и в других случаях, чтоб его государя, величали иначе, как *царское величество*; что переводчик объяснял по латыни: *Caesarea Majestas*. Вечером, в тот же день, посол, с правой стороны которого сидел его сын, с левой дьяк, а я возле сына, ужинал со всею своею свитой, что случилось только в этот раз; с этого дня, дьяк ужинал особо, также как и некоторые дворяне, недовольные Потемкиным, и считавшие себя независимыми от него, как назначенные в посольство самим царем московским». 6-го августа: «мы прибыли в Понт (Pont), где посольство провело около 4 часов в молитвах, для празднования Преображения Господня на горе фаворе». 13 августа, в Блуа: «Вечером того дня ужин был прерван, потому что Потемкин рассердился на одного из ужинавших с ним дворян и, желая на свободе намазать его палкою, встал из-за стола, попросил всех выйти из комнаты и удовлетворил своему желанию». 15 августа, в Орлеане: «Послу представлялись несколько красавиц. Я спросил его мнение о них. Он отвечал, что у него на родине *есть жена и что ему непристойно рассматривать женщин настолько, чтоб выразить о них свое мнение...* С этого дня Потемкин стал, есть мясо, но просил *не подавать ему зайцев, кроликов, голубей, молодых телят*, потому что, говорил он, зайцы и кролики слишком обыкновенны, голуби невинны, а телята хороши только годовалые. Посол любил больше всего молодых гусей, утки поросят». 18 августа, в Ла-Рене (L'ourgla Reune): «Скончался один из свиты посла. Его схоронили у леса за городом, с обрядами, похожими на наши. 19, г. Берлиз, которому поручено было представлять к королевскому двору посланников, явился к Потемкину с приветствием и спросил кредитивную грамоту. Потемкин принял это за оскорбление и сказал, что у него нет другой грамоты, кроме той, которую его царское величество велел ему лично вручить королю, что содержание этой грамоты ему неизвестно, и показал Берлизу свой паспорт¹²¹, в котором царь московский называет его послом, причем Потемкин заметил, что показывает паспорт только по дружбе, и что ни за чтобы этого не сделал, если бы кто вздумал принудить его к тому... В Ла-Рене, Потемкин положил в карман на 5 или на 6 су мелкой монеты и дорогою раздавал нищим, причем снимал шапку». 25 августа, в Париже: «Утром, Потемкину было предложено идти на королевскую аудиенцию после обеда; но он ответил, что королевское величество может ему назначить какой угодно час, но что он лучше будет голодать до вечера, чем обедать до аудиенции; что нужно с светлым умом разговаривать с его величеством, и что он не хочет, чтобы приписано было вину или мясу, сделанное им добро или зло». 3 сентября: «Потемкин посетил Лувр, где осматривал комнаты покойной королевы, матери короля, и коро-

левские кладовые, в которых видел весьма драгоценную мебель. При этом кто-то спросил посла: есть ли такая мебель у его царского величества? Посол отвечал утвердительно; но переводчик (польский шляхтич Урбановский) сказал вслух, по латыни, чего не понял ни посол, ни кто-либо из его свиты, что он нагло лжет». 6 сентября, присутствуя в комедии «Удары судьбы», игранной собственно для послов, труппой Демаре, «Потемкин спросил вина, которое было подано». 8 сентября, «Труппа Мольера представляла Амфитриона¹²², с превращениями и танцами, которые весьма понравились послу и его сыну. Им поданы были две большие вазы, одна с сухими фруктами, а другая с свежими; но они не ели, а пили, и благодарили актеров». 11 сентября: «Получив перевод (королевской грамоты к царю), посол прикладывал его к глазам, целовал, клал на голову, кланялся до земли, благодаря его королевское величество, потом велел переводчику передать себе содержание грамоты; наконец, спросил вина, выпил за здоровье короля и бросил на пол стакан, говоря, что он от души желает, чтоб все враги короля разбивались как это стекло. Потемкин просил, чтобы на обороте грамоты к царю были написаны те же титулы, которые находятся в начале грамоты; что и было исполнено». 13 сентября на официальном обеде в Сен-Жермене, у графа Луда, «Потемкин просил маршала Бельфон дать ему свою шляпу, которую надел, а свою меховую надел на голову маршала, обозначая тем, как он говорил, связь и торговые сношения, которые должны существовать между французами и москвитами и чтоб еще более подкрепить свои слова, не хотел взять обратно своей шапки и увез в Московию шляпу маршала, который думал, что этот знак внимания окончится вместе с обедом, подавшим к нему повод». С 14 по 16 сентября, «москвиты готовились к отъезду из Парижа и делали закупки. Потемкин купил несколько часов золотых и серебряных, парчей и шелковых материй, почти на 1,000 червонцев. Прочие москвиты покупали мало... Король (вместе с подарками) прислал 100 пистолей, которые Потемкин заплатил за свои пожитки в Байонне. Но Потемкин требовал, чтоб его вознаградили и за издержки, сделанные им дорогою от границы Франции до Бордо, что составляло около 5,000 ливров. Однако, в этом было ему отказано, так как он предпринял свое путешествие, не дожидаясь королевского приказания. Некоторые из москвитов, считавшие себя до некоторой степени независимыми от Потемкина, говорили, что они, по возвращении, будут на него жаловаться царю, так как он был причиной, что им не досталось королевских подарков. Один из них даже плакал с горя. Король велел раздать переводчикам 500 червонцев, из коих 400 ливров дано было Урбановскому, столько же посольскому толмачу и 700 ливров переводчику, которого Потемкин держал два дня под арестом

по подозрению в измене. С прислугой Потемкин не слишком расщедрился, и только кой-кому подарил несколько мехов и безделушек, которые не стоило даже дарить. Потемкин и дьяк заставили меня принять по паре меховых рукавиц. Кроме того, посол подарил мне небольшой нож в ножнах и, в знак своей дружбы и особенного уважения, сам отпорол меховой воротник с своего платья и подарил его мне». 16 сентября, отъезд из Парижа: «Потемкин очень настаивал, чтоб получить от короля корабль для отплытия в Ригу, однако ему было отказано, *чтоб не придавать большей важности его посольству*». 17 сентября, в Бове, «старшины города приветствовали Потемкина и поднесли 3 дюжины бутылок вина, которые посольство разделило между собою». 18 сентября, там же, «Потемкин ел мало, ссорился со всеми и в карете прибил переводчика, которому было более 60 лет. Причиною такого нерасположения духа было отчасти переданное ему распоряжение об уплате его издержек только до Кале, где мне приказано было с ним расстаться и где я не знал, найдет ли он корабль, на котором мог бы отплыть». 19 сентября Аббевиль: «Городские старшины приветствовали Потемкина и поднесли в дар вина и водки, которые посол велел слить в боченки, чтобы провезти морем». 20 сентября, Монтрель: «У ворот города, Потемкин, увидав как обучался пехотный полк брата короля, просил офицеров дать залп и пройти маршем мимо его». 21 сентября, Булонь: «Посол отправился в гавань, где видел фрегат, но нашел его слишком малым и дорогим. Узнав, что за другой, побольше, просили 1,000 франков, чтоб доплыть до Амстердама, он поспешно удалился. 22 сентября, Кале: «Потемкин принимал приветствия от городских старшин и приказал отнести их подарки на корабль, который нанял за 40 луидоров (до Амстердама)». 23 сентября, «в 10 часов утра посольство село на корабль, чтоб отплыть с попутным ветром. Московиты взяли с собою провизии: хлеба, луку, яблоков, сельдей, пива, уксусу, соли и жареной рыбы»*.

VII

Постройка судов в селе Дединове. — Русское войско при царе Алексее Михайловиче. — Бесправие воевод. — Бунт Стеньки Разина

Пока, таким образом, послы Алексея Михайловича проносили имя царское и русское в отдаленнейшие края Европы, сам Алексей Михайлович, у себя дома, затевал дело, которое при

* Полуденский. Русское посольство при дворе Людовика XIV. Рус. вестн. 1863, октябрь, стр. 602–622.

других обстоятельствах могло дать результаты более существенные. Мы говорим об указе 19-го июня 1667 г., которым повелевалось: «в селе Дединове, лежащем на Оке (в Зарайском уезде Рязанской губернии)*, строить корабли, для посылок из Астрахани на Хвалынское (Каспийское) море... и то корабельное дело ведать боярину Ордину-Нащокину»**. Назначение этого боярина имело смысл. Ордин-Нащокин, управляя Ливонией¹²³, заводил флотилию на Западной Двине, уничтоженную Кардисским договором***. В том же 1667 г. нанят за границей, в Голландии, Давид Бутлер «служити царскому величеству на море Хвалынском капитаном и кормщиком — генералом; и над людьми, которые к тому делу в службу его царского величества наймутся, верно владети и меж ими, как пристойно, разряжати», потому что он, Бутлер, бывал «во многих краях света... и разумеет многиеиндейские языки и торги, и извычай индейские и небесное течение, и как водится морем кораблям ходить»****. Весьма вероятно, что царь Алексей, учреждая кораблестроение для Каспийского моря, имел в виду кроме торговой, и другую цель — усилить этим флотом свою сухопутную рать, о которой, еще в 1656 г., русские послы, Чемоданов и Посников, рассказывали в Венеции следующее: «Великаго Государя рать собирается многая: многия тысячи копейных рот от гусарскаго строю, конные с огненным боем, а иные драгунским строем, с большими мушкеты и многия тысячи солдатским строем. А низовская сила: казанская, астраханская и сибирская — собирается несчетная; бьются конные лучным боем: Татары, Башкирцы и Калмыки. Стрельцов устроено в Москве до 40, 000, опричь (кроме) городовых, и бой у них солдатскаго строения. А Донские и Запорожские казаки бьются огненным боем. А Запорожские Черкесы бьются лучным и огненным боем. А государевых городов дворяне и дети боярские — те бьются разными обычаи: лучным и огненным, кто к которому навывчен. А его государева полку стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, бьются своим обычаем: только у них бою, что под ними аргамаки¹²⁴ резвы да (у них) сабли востры; на которое место ни приедут, никакие полки против их не стоят»*****. Эти

* По тогдашнему расположению Руси село Дединово было уезда Коломенского.

** Дополнения к Актам Историческим, т. V. № 46 и 47.

*** Полное Собрание Законов, т. I. № 301.

**** Дополнения к Актам Историческим, т. V, № 46, стр. 212 и 218.

***** Статейный список посольства стольника и наместника Переяславского, Ивана Ивановича Чемоданова, в Венецию в 716 (1656) г. — Древняя Российская Вифлиофика. Изд. 1788, ч. IV, стр. 192–193.

рассказы русских послов нельзя считать чересчур преувеличенными, потому что и один из иноземцев, около 1662 г., видел на Руси, кроме нескольких генералов, более 100 иностранных полковников, не говоря о множестве выписных из-за моря подполковников, майоров, капитанов и поручиков*. Как-бы то ни было, в августе 1667 г. Дединовское кораблестроение началось, на первый раз, осмотром, чрез иноземцев, вяземских и коломенских лесов; назначением «дворянина добра (Полуектова) с подъячим», которым предписывалось покупать лес, «цена в правду, а посулов и поминков ни у кого неимать ничего»; наконец, повелением коломенскому воеводе: помогать Полуектову с подъячим во всем, выдавать им деньги, доставлять рабочих и материалы. Независимо от столкновения, новгородской чети¹²⁵, которой поручено было Дединовское дело, и дворцового приказа, ведавшего самое село Дединово, кораблестроение приостанавливалось отсутствием рабочих. Так как перед этим временем села Дединова «и иных ловецких сел ловцам (царской рыбы)» заказано было сделать 60 паузков (рыболовные суда), то, «чтобы нынешним указом (19-го июня) онаго дела не остановить, предписывалось: в рабочие, кузнецы и плотники, брать охотников, которые добровольно наймутся — тем не запрещать, а в неволю никого не нудить». Но добровольные наемщики не являлись, и Полуектов доносил о представлении старостами и крестьянами дворцовых сел «сказок за руками», в которых объявлялось, что у них к корабельному делу охотников-плотников нет; «твое государево корабельное дело за плотники стало», писал Полуектов в своем донесении — и требовал рабочих. Тогда приказ Большого Дворца предписал дединовскому прикащику Головкову дать немедленно 30 чел. плотников из села Дединова и других дворцовых, с уплатой каждому по 4 алтына в день**. Корабль, выстроенный при этих условиях, наименован «Орлом», спущен на воду в 1669 г. и, как известно, сожжен Стенькой Разиным, под Астраханью, в 1670 г.

Отсутствие вольнонаемных рабочих в деле кораблестроения Дединовского — весьма замечательно. Народ не шел на вызов воеводы коломенского не из лени к работе и не из боязни иноземцев, заправлявших работой, но потому, что не хотел связываться с воеводами вообще, которые тяжело сидели на шеенарода

* Аделунг. Барон Мейерберг и путешествие его по России (1661–1663). Изд. 1827 г., стр. 208.

** Попов. О постройке корабля Орла в государство царя Алексея Михайловича. Русс. Беседа. 1858, кн. IV, отд. II, стр. 1–18.

и, в царствование Алексея Михайловича в особенности, успевали даже лишать народ его дорогого права выбирать к отправлению общественных должностей лиц «излюбленных». Из множества примеров подобного бесправия воевод, поддерживаемых, разумеется, царскими ближними людьми, приведем на выдержку один. В 1663 году, ростовские посадские, не находя нигде управы на притеснения ростовского воеводы Пустошкина¹²⁶, подали, наконец, своему владыке, митрополиту Ионе, челобитную, в которой писали: «Мы сироты твои выбрали к стрелецкому хлебному сбору¹²⁷ 4 человека добрых и выбор отослали на съезжую избу, к воеводе; а он стакнувся¹²⁸ с Иваном Раткиным, для своей бездельной корысти, велел его переменить, а тот наш выбор в земскую избу выслал. Да он же, воевода, нам сиротам, чинит всякиебольшие налоги, и спрашивает на нас поминков¹²⁹ и почестей больших, и в исцовых исках, в кабальном и безкабальном долгу, через поруки, на правеже бьет¹³⁰ и в тюрьму сажает для своей корысти. И мы, сироты твои, от тое его воеводской налоги и обиды в конец погибли»*. В Сибири — крае, более заглазном, было еще лучше. Енисейцы, в своей челобитной, от 3-го сентября 1665 г., писали, что их воевода, Василий Голохвастов, совоспитанник царя Алексея, «для своих пожитков, прибирает в государеву службу гулящих и промышленных людей, а не стрелецких и не казачьих детей, и от того емлет государево денежное и хлебное и соляное, жалованье, годовые оклады; посадских людей написал в ямскую гоньбу, и оттого взял с них 150 руб. серебряных денег и многим посадским людям, их братье, и детям, и племянникам, своими приметы учинил убытки великие, работных людей у них отогнал, и они де промыслов своих отбыли; а иных чинов людей своими приметы испродал, и бил, и мучил, и в тюрьму сажал. Да он, для своих пожитков, отдает на откуп помесячно зернь (игра, в роде карточной) и корчму (винную продажу), и безмужных жон на блуд, и оттого емлет себе откупу рублей по 100 и больше, и тем блудным женкам велит наговаривать на приезжих торговых и промышленных людей напрасно; по их оговору, без сыску и без разпросу, сажает в тюрьму, а к тюрьме присылает ведомых воров и ушников и сорщиков, деньщика Тимофеева, да ссыльного вора зернового (игры зерни) откупщика Булгакова, уговариваться, и от того емлет с торговых и промышленных людей, тюремною темнотою и всяким мучением, по сороку и по два сорока соболей, а с иных деньгами: рублей по 30, по 40 и больше. А которых служилых и посадских

* Акты Исторические, т. IV, № 174.

людей остаются в доме жены, а они (мужья) в то время бывают в отъездах, а он Василий (Голохвастов), сведав их пожитки, жон их емлет в застенок, ночью, и пытается, и спрашивает серебряных денег; и теми примёты и мучением их до конца раззорил. Да он же де, Василий, емлет к себе на двор казенные поваренные большие и малые котлы про свои обиходы; для своих пожитков, велит вино курить на свои обиходы, в городе, на государевой поварне, нашими котлами, а работниковсебе емлет тюремных сидельцев; и люди его на себя вино курят же и продают на соболи и на деньги в чарки. В воскресные дни ездят они, до обедни, на поле с собаками, с ведомым вором тюремным сидельцем Плещеевым, который свободно ездит днем и ночью на коне, с ружьем, по ночам с ножами и саблями за блудными жонками, и в тюрьме не ночует. Тюремные целовальники доносят на Плещеева, а Василий бьет их за это батоги, вместо кнута. Призывает к себе на двор, по вечерам, Булгакова, Шайдуря, Семена, да ссыльного старца Сергия, и с ними на енисейских посадских людей умышляет всякия затейныя беды, и теми своими затейными налогами, их разоряют» *.

Недовольство народное, развиваясь от Ростова до Енисейска и от Москвы до Киева, искало выхода и могло найти его только на Волге. «Волга на всем ее неизмеримом протяжении — говорит один из наших историков — была поприщем воровских казаков. Их деяния воспевались в песнях, к ним относятся разнообразные предания; их образ в народном воображении сохраняется с марами (курганами) и городищами, усевающими приволжские степи. Воровские казаки не были в глазах простонародья простыми разбойниками, в обыкновенном смысле этого слова; правда, они нападали на суда, на людей, грабили их, убивали, но, по обширному кругу, в котором хотела выразиться их деятельность, название разбойников для них недостаточно. Сами они говорят в своих песнях: «мы не воры, не разбойники — мы удалые добры молодцы» ... Народ сочувствовал молодцам, хотя часто терпел от них» **.

И они, удалые молодцы, сочувствовали народу, носили на себе те же самые народные раны, страдали теми же страданиями. Вся разница между ними и народом заключалась в том, что народ терпел, а они, удалые молодцы, заставляли других терпеть. Народному недовольству, для отмщения за себя, надлежало принять какую-нибудь форму — и такая нашлась в среде воровских казаков, выразилась в исторической личности Стеньки Разина.

* Там же, № 182.

** Костомаров. Бунт Стеньки Разина. (Отеч. Зап. 1858. № 11. Отд. II, стр. 294).

Еще в 1655 года, когда шла война с поляками, в войсках русских, предводимых боярином князем Юр. Алек. Долгоруким, состояла казачья станица, которая, при наступлении осени, хотела, по своему обычаю, возвратиться на зиму домой. Князь Долгорукий не отпускал ее, но один из атаманов все-таки повел станицу на Дон; однако, ее настигли и атаман, по приказанию князя Долгорукова, повешен. Атаман этот был Разин¹³¹, родной брат Стеньки, затаившего с тех пор ненависть к боярам и всему правительственному. Финансовый кризис, наступивший после Андрусовского договора и отозвавшийся на Дону дороговизной хлеба, мучил еще больше беспокойных смельчаков, во главе которых стал Стенька (Степан Тимофеев) Разин — «человек чрезвычайно крепкого сложения, предприимчивой натуры, гигантской воли, порывчатой деятельности, своенравный, столько-же непостоянный в своих движениях, сколько упорный в предпринятом раз намерении, то мрачный и суровый, то разгульный до бешенства, то преданный пьянству и кутежу, то готовый с нечеловеческим терпением переносить всякие лишения»*. В 1667 г., Разин, с своей шайкой, хотел было идти в Азовское море и спуститься к Черному, но, быть может, опасаясь татар, передумал, и, весной, прошел, на 4-х стругах, Доном, мимо Черкаска, пристал к Паншину городку, расположился неподалеку от него, между речками Тишиной и Иловлей, на буграх, отсюда рекой Камышинской, пробрался в Волгу, миновал Царицын, не тронул Черного Яра, но изменнически овладел Яицким городком, выплывал в Каспийское море, на татар едисанских¹³², и возвратился зимовать в Яицкий городок. Многие местности были разорены. Все суда, встречавшиеся Разину, взяты. В Яицком городке у него было уже 30 стругов и до 1,500 человек удальцов. Москва беспокоилась не на шутку; переписка с воеводами поволжских городов шла деятельно; но воеводы эти действовали вяло. Царская грамота с обещанием прощения, присланная самому Разину в Яицкий городок, осталась без последствий. 23 марта 1668 г., Разин выступил из Яицкого городка в море — и пропал больше чем на год. Говорили, что он громит царство персидское. И действительно, новая партия донских удальцов, в 700 человек, предводимая Сержкой Кривым, соединилась с Разиным, весной 1669 г., у персидского города Решта. Все лето этого года Разин дрался то с черкесами, то с персиянами, потерял своего товарища Сержку Кривого, но у Свиного острова разбил персиян наголову, обратил их хана в бегство, а красавицу, дочь ханскую,

* Там же, стр. 311.

захваченную в плен, взял к себе наложницей и, обогащенный добычей, 7-го августа, разбил один из учугов (место рыболовли) волжских, принадлежавший митрополиту астраханскому, а затем, ограбив персидскую бусу (судно) на море, заложил стан на острове Четырех Бугров, в устьях Волги. Воевода астраханский, князь Иван Семенович Прозоровский, выслал против Разина своего товарища, князя Сем Ив. Львова, на 37 стругах. Завидя такую силу, Разин ушел в море, был преследуем князем Львовым 20 верст и, настигнутый, принял милостивую грамоту царскую, обещал добить челом государю, сдать награбленное казенное имущество, все пушки, и возвратиться на Дон, явился лично в астраханскую приказную избу, положил там, в знак послушания, свой бунчук, пил и гулял с воеводами астраханскими, не упуская случая поживляться от него персидской добычей, и, 4-го сентября, отправился на Дон, по пути к которому, в Царицыне, Разин велел «оттрепать бороду» воеводе Унковскому за разные притеснения донских покупателей царицынской соли. На Дону, Разин, выбрав место между станицами Ведерниковской и Кагальницкой, устроил земляной городок Кагальник, к которому направил силой торговлю, сосредоточившуюся прежде в Черкасске, за все платы честно торговцам, не трогал никого, но повелительно являлся в Черкасске, где, на Фоминой неделе 1670 г., велел утопить жильца¹³³ Евдокимова, привезшего из Москвы царскую грамоту, причем заметил грозно Корнилу Яковлеву, атаману войска донского и своему крестному отцу: «Владей своим войском, а я буду владеть своим». В мае, Разин поднялся Доном к Паншину, погромил калмыков, кочевавших между Доном и Волгой, приплыл Волгой к Царицыну, взял его, а воеводу утопил и, после месячного пребывания в Царицыне, продолжал плавание к Черному Яру, где встретил флотилию князя Сем. Ив. Львова, высланную из Астрахани против мятежников. «Здравствуй, наш батюшка, смиритель всех наших лиходеев» — крикнули служилые князя Львова¹³⁴, мигом передавшиеся на сторону Разина. — «Здравствуйте братья! — отвечал им Разин — мстите теперь над вашими мучителями, что хуже турок и татар держали вас; я пришел даровать вам льготы». — Черный Яр был взят. — 18 июня, Разин стал под Астраханью и, в ночь на 22 июня, взял город приступом. Воевода, князь Прозоровский, тяжело раненный копьём в живот, сброшен с раската¹³⁵. Пятидесятник конных стрельцов, Фрол Дура, единственный в Астрахани чиновник, не оставивший своего долга, изрублен в куски. Вся Астрахань сочувственно передалась Разину, величая

его «батюшкой Степаном Тимофеевичем». 13 июля Разин велел повесить за ноги двух сыновей погибшего князя Прозоровского, из которых старшему было 16, а младшему 8 лет*, и отплыл из Астрахани вверх по Волге, к Царицыну, откуда послал на Дон награбленную в Астрахани добычу, сам же продолжал плавание, взял Саратов**, Самару, 5 сентября осадил Симбирск, защищаемый упорно боярином Ив. Богд. Милославским; 1 октября, потерпел тут поражение от окольного князя Юрия Барятинского, подоспевшего из Казани; но, в ночь под 4 октября, все-таки пошел на приступ, однако, был отбит и ночью же бежал с своими вниз по Волге. Не впущенный ни в Самару, ни в Саратов, Разин оправлялся в Царицыне от ран, полученных им под Симбирском, и не раньше, как зимой прибыл на Дон в городок Кагальницкой. В феврале 1671 г., Разин явился к Черкасску, но не был туда впущен и не мог взять города, хорошо укрепленного. Об этом покушении было дано знать в Москву, где царь и патриарх, со всем освященным собором, приговорили: велеть донцам «чинить промысел над Стенькой Разиным» и доставить его в Москву на расправу. — 14 апреля, донцы сожгли до основания Кагальник и, по войсковому суду, перевешали всех сообщников Разина, исключая самого атамана, с его братом Фролкой. Оба они закованы, были доставлены в Черкасск, откуда, в апреле же, повезены в Москву, где 4 июня, в самый день своего туда прибытия, подверглись страшной пытке, которую Стенька выдержал с величайшим присутствием духа, не произнося ни слова, не испуская ни одного стога, между тем, как Фролка вопил от боли. — «Экая ты баба! — сказал ему Стенька. — Вспомни наше прежнее житье; долго мы прожили со славою, повелевали тысячами людей; надобно же теперь бодро переносить и несчастье. Что, это разве больно? Словно баба уколола»!.. Исполосованный сотней ударов пыточного ременного кнута, в палец толщиной, взволдыренный поворачиванием на горящих угольях, обожженный раскаленным железом, устоявший и против нестерпимой пытки, — капания холодной водой на выбритую макушку, Разин, с ногами, избитыми палачем, брошен в тюрьму, где, в ожидании последних смертных мучений, он, по преданию народному, сложил следующую песню:

* Молодые князья Прозоровские, оба Борисы, провисели всю ночь, после чего старший сброшен с раската, а младший, совсем почти затекший кровью, высечен розгами и отдан несчастной матери, княгине Прасковье Федоровне.

** Это не нынешний губернский город, но другой Саратов, лежавший на луговой стороне Волги, несколько выше нынешнего.

«Схороните меня, братцы, между трех дорог:
Меж московской, астраханской, славной киевской;
В головах моих поставьте животворный крест*,
В ногах мне положите саблю вострую.
Кто пройдет или проедет — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли вострой испужается:
Что лежит тут вор удалый, добрый молодец,
Стенька Разин, Тимофеев по прозванию!»

6 июня 1671 г. совершена всенародно, в Москве, на Лобном месте, казнь Стеньки Разина. Перекрестившись на церковь Василия Блаженного, он поклонился на все четыре стороны и сказал: «простите!» Его положили между двух досок. Палач отрубил ему сначала правую руку по локоть, потом левую ногу по колено. Стенька не издал ни одного стога, как будто не чувствовал страданий. Но брат его, слабодушный Фролка, не вынес страшного зрелища и, ожидая себе таких же мучений через несколько минут, закричал: «Я знаю слово государево!»** «Молчи собака!» — рыкнул ему несокрушимый Стенька, и голова его скатилась; туловище было рассечено на части и с головой воткнуто на колья, а внутренности брошены на съедение собакам.

Так погиб Стенька Разин, не прикрывавшийся никаким самозванством, но действовавший прямо от своего имени, а потому стоящий в преданиях народных высоко, как герой, ратовавший за народ, угнетаемый бесправием воевод и жестокостями помещиков.

Пламя, зажженное Разиным, не ограничивалось пределами Поволжья, от Астрахани до Симбирска, но хватало к Казани и Нижнему, задевало галичский угол Костромского края, пробиравлось под самую Москву, и с трудом было затушено в местах тамбовских и острогожских только в январе***.

* Несмотря на упоминание о кресте, должно заметить что Стенька Разин, во время своего могущества, не стеснялся никаким верованием и сам перенечивал молодежь, принуждая сочатавшихся проплясать кругом ветлы, чем и заключался брак.

** То есть Фролка Разин сказал за собой «слово и дело», требовавшие по юрисдикции тогдашней нового передопроса, которым, разумеется, оттягивалась казнь и проволакивалось время.

*** Попов. «История возмущения Стеньки Разина». Изд. 1857. Костомаров. «Бунт Стеньки Разина». Отд. Зап. № 11 и 12. Отд. II. Арцыбашев. «Повествование о России». Изд. 1843. Т. III, кн. VI, стр. 160–162.

VIII

Кончина царицы Марии Ильиничны и царевичей Семена и Алексея. — Женитьба царя на Наталье Кириловне Нарышкиной. — Подчинение Малороссии — Сношение царя с Яном Собесским. — Челобитные XVII века. — Возвышение Матвеева. — Нововведения при дворе. — Театральные зрелища. — «Объявление» царевича Федора Алексеевича. — Запрещение подражать иноземцам. — Кончина царя Алексея Михайловича

Время бунтования Стеньки Разина ознаменовалось для смущенного царя и тяжкими семейными утратами. Так, 3 марта 1669 г., Алексей Михайлович лишился своей жены, Марьи Ильиничны, которую он любил нежно; 18-го июня того же года, потерял 4-х летнего сына, царевича Семена, а 17 января 1670 г. похоронил и другого сына, своего наследника, 16-ти летнего царевича Алексея, которого польские паны просили себе в короли. Переговоры с этими панями, веденные тогда Ординым-Нащокиным, также не утешили царя, желавшего занять лично престол польский, чего отнюдь не желали паны. Посольский приказ в Москве, с своей стороны, мешал делу избрания, разглашая при иностранных дворах об упадке влияния Ордина-Нащокина, который, наконец, писал Алексею Михайловичу: «На Москве, Государь, не радят о государственных делах, — ей дурно! Посольский приказ есть око великой России... Царь! думные дьяки занимаются хитростями и *кружечными делами*¹³⁶; воспрети им, чтобы они не плодили непристойных речей на Москве с иностранцами»*. В 1670 г. Ордин-Нащокин возвратился в Москву с подтвержденным договором Андрусовским, а в феврале 1671 года испросил увольнение от дел и постригся с именем Антония, в Крыпецком монастыре**. Место государственных посольских дел оберегателя и царственные большие печати хранителя, оставленные Ординым-Нащокиным, занял тогда-же окольный Артамон Сергеевич Матвеев, любимец царский, с свойственницей которого, Натальей Кирилловной Нарышкиной, проживавшей в доме

* Терещенко. «Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России». Изд. 1837, ч. I, стр. 57–58.

** Крыпецкий Иоанно-Богословский монастырь находится в 20-ти верстах от Пскова, при озере. Основан в 1552 г. Отсюда инок Антоний, в мире, ближний боярин Афан. Лаврентьев. Ордин-Нащокин, в 1679 г. был вызван в Москву, где в светском платье договаривался с послами польскими и кончил это дело с успехом. Единственный сын его, Воин, еще в 1660 г. изменил царю и бежал за границу.

Матвеева и там увиденной впервые царем, Алексей Михайлович, сочетался вторым браком, 22 января 1671 г. От этого брака, 30 мая 1672 г., родился гениальный Петр. В феврале 1673 г., Малороссия отреклась от Дорошенка, враждебного Москве и, провозгласив гетманом Самойловича — на место Многогрешного¹³⁷, сосланного, по интригам старшин, в Сибирь, присягнула в верности русскому царю, который давно уже оставил мечты о престоле польском, видел на нем славного Яна Собесского, второго преемника бездетному Яну-Казимиру, и, 10 августа 1674 г., писал Собесскому: «Мы, Великий Государь, наше царское величество, а вами, братом нашим, Великим Государем, вашим королевским величеством, жондамы (желаем) быть в братерской приязни и милосци завше неодменно»*.

Что касается бытовой стороны подданных Алексея Михайловича, по крайней мере, в первые годы после восстания Стеньки Разина, о ней можно судить по следующим выдержкам из сборника челобитных за это время. Так, в 1671 г., сотник стрелецкий, посланный из Бежецкой пятины¹³⁸ в Новгород, с 20-ю стрельцами, бил челом, что «едучи дорогой, он, сотник, стрельцев от всякаго дурна унимал и обижать никого дорогою едучи не велел, и они-де стрельцы его ни в чем не слушали, и его бранили и были противны»¹³⁹. Александро-Свирского монастыря игумен с братией, объяснив, что они, по приказу митрополичьему, работников своих «временных Бога ради тружавшихся» переписали, «и те бывшие работники, заслыша великаго государя указ, что имена их переписаны, из монастыря все разбрелись», били челом, что если «тех их работников, к какому делу спросят, и им бы (игумену с братией) Великаго Государя в опале не быть». Московского приказа стрельцы били челом на губного старосту: что были «посыланы они к нему с памятьми и с книгами для денежнаго сбору идля дозорных дел. И он-де губной собрал в пятине сверх наказу себе лишния деньги. И он за то их бил, и подводы у них отнял, и от дела отказал, и они пришли из Миницкаго погоста в Великий Новгород пеши, болше 200 верст, и отписки у него просили, и он-де отписки им не дал». 1672 г. «Подал челобитную Дружина Веревкин... был он в тысяцких у Семена Палицына, и будучи на свадьбе вдовин Татьянин сын Федор Дирин, назвал его Дружину, плутом; а тем он его обезчестил». Подал челобитную князь Петр, княж Иванов сын Мышецкой, на Петра Васильева, сына Скобельцына: «Мимо-де деревню свою он, Петр, ему, князь Петру, ездить не велит и к церкви Божией ему, князь Петру, приходит не велит и угрожает ему,

* «Симбирский сборник». Изд. 1845 г. См. малороссийские дела, стр. 209.

князь Петру, всякими угрозы, и говорит он, Петр Скобельцын, князь Петру: как-де от церкви здорово отъедешь!.. А стала-де дорога мимо его Петру усадьбу Скобельцына и церковь Божия в его Петрове усадьбе; а он, князь Петр, и с людьми и со крестьяны своими ругу тем церковным причетникам дает¹⁴⁰ и родители у него князь Петра, у той церкви погребены». Монастырский бобыль¹⁴¹, ходивший весной «в Печеры к Богородице помолитца», на обратном пути остановился в Новгороде и бил челом, «чтоб его Великий Государь пожаловал, велел ему, здесь, в Великом Новгороде покормитца хлебным и калачным промыслом до зимнего пути». 1673 г. Подал челобитную Никита Семенов: «бил-де его, Микиту, брат его родной Феоктист Семенов иконник¹⁴², и мучил всячески, и взял на него, Микитку, письмо, неведомо какое, а то письмо писал площадной подъячий¹⁴³ у него Феоктиста в доме, по его Феоктистову велению, а не по его Никитину, и велел ему, Микитке, к тому письму руку приложить сильно, итого письма ему, Микитке, не вычел и самому ему вычитать не дал того письма. И он, Микитка, убоясь его бою и увечья к тому письму руку приложил, потому что жил у него в доме, и стал он ему, Микитке, грозить, и вон его Микитку со двора своего не выпускал многое время. И Великий Государь пожаловал бы его Микитку, велел: челобитье его и извет записать, и ныне на нем Феоктисте ему, Микитке, искать неколи, потому что мал — искать того на нем не смыслит, что на малом возрасте, и сродичей у него здесь нет». Наталка жена красильника была челом, что «муж ее Гришка на кружечном дворе запил, и во хмелю умом решился, и на пропой деньги займует: где займет гривну, а кабалу даст в рубль, а инья кабалы заставлявает писать и безденежно, и те кабалы без его, мужа ее, вершат. Да он же муж, Гришка, занял у площаднаго (подъячаго) у Яшки Киселя денег гривну, а кабалу дал в рубль¹⁴⁴, да он же муж ее, Гришка, хмелевых гнезд с 50 продал, взял полполтины, а купчую дал в двух рублях, и ныне валяется в кабаке и деньги на пропой займует; а кабалы у него во многих деньгах, а она с детьми про то не ведает». Бил челом Ив. Игн. Еремеев, что «платил он в казну Великаго Государя сухари и толокно, и подъячий Сем. Протопопов взял у него ножик, ценой в 23 алтына, и того ножика не отдал неведомо за что». Бил челом посадский, что «пристала свинья сухопарая к его саду и у него во дворе поросилась, а хозяин тое свиньи никто не выискался; и ныне та свинья у него с поросятами, и чтоб ему от того в пени не быть»¹⁴⁵. Подал жалобу Мокей Ив. Пустошкин: «Судом Божиим жена его Катерина ума рехнулась: на лес бегаёт и живет на лесу дня по 3 и по 4 и больше, летом и зимой, не евши, и косы у себя

обрезала и ходит простоволоса, и его бранит всякими неподобными словами, и говорит всякия непристойныя речи, и детей-сирот мучит. И чтоб его челобитье записать, чтоб она, умовредная жена его, над собою или над иным кем дурно не учинила, или какия непристойныя станет слова говорить, чтоб тем людям обидно не было, и ему, Мокею, в пени не быть». Бил челом Сем. Ив. Судокон на стрельца московского приказу на Лазутку (Лазаря) Фомина, «что он Лазутка пишется Судоконим и их тем безчестит; а их родители в таких низких и безчестных чинах не бывали, и чтоб его, Лазутку, распросить, почему он пишется Судоконим и их тем безчестит; и не велел-бы Государь ему впредь писаться Судоконим и в чужой род вклепыватца, чтоб им по ним родителем впредь за него, Лазутку, пороку не было»*. 1674 г. бил челом посадский, «что в другом часу ночи, шел он от отца своего духовнаго жены, с женою своею да с сыном. И как пришел в Нутную улицу к себе и набежав неведомо какие люди, 2 человека, схватили с жены его шапку с золотым вершком, да волосник жемчужной с подвески жемчужными, и с подбрусником и с подзатыльником жемчужными же, ценою на 25 рублей. И схватив тое шапку с тем совсем пробежали в Бородову улицу, а он, челобитчик, в то время был хмелен, а сын его мал, и гнаться за ними не посмелдя того, что в тое улице жилецких людей мало»**.

Не читая, разумеется, этих челобитных, «тишайший» царь Алексей, в описываемое время, состоял преимущественно под влиянием второй своей жены, к которой привязался с свойственной ему нежностью, а через жену смотрел на все глазами ее бывшего покровителя и своего друга Артамона Сергеевича Матвеева. Поклонник всего иноземного и вполне передовой человек того времени, Матвеев вводил при дворе царя Алексея новизны, неведомые двору царя Михаила; но вельможа смысленый и остроумный, он не трогал набожной струны своего царственного друга. Новизны Матвеева ограничивались иной обстановкой, собственно внутреннего царского быта, который, впрочем, начал изменяться еще со времени польской войны 1654–1667 гг., когда царь Алексей побывал лично в Витебске, Полоцке, Могилеве, Ковно, Гродно и, особенно в Вильне, ознакомился с новым образом

* По местническим понятиям того времени, Судоконимы (или Судоконимы), действительно, могли обижаться однофамильством стрельца. Судоконимых было две фамилии, и обе древнейшие: одна, через князей смоленских, происходила прямо от Рюрика; другая — упоминается боярскою в Новгородских летописях XIV в.; неизвестно, о которой из этих фамилий идет речь в челобитной — и есть ли теперь потомки той или другой.

** Куприянов: «Челобитные XVII века». От. зап. 1855. № 8. Отд. II, стр. 95–126.

жизни, узнал многие удобства, приобрел вкус более европейский, что не могло не повлиять, прежде всего, на самый характер украшений царских хором. «Внутри дворца — говорит исследователь русской старины — появились обои (золотая кожа) и разного рода мебель на немецкий и польский образец. Характер резьбы по дереву, столько употребительной во всех внутренних и внешних украшениях дворца, также изменился. Обыкновенную русскую резьбу — по одной только поверхности дерева — заменила фигурная немецкая резьба во вкусе рококо, как можно судить по дошедшим до нас несомненным памятникам из домашней утвари того времени. Вся терминология этой новой резьбы, напр. цымс, каракштын, карниз, каптель, штап-ганен, штап-салькелен, шпренгель и т. п., и даже названия столярных снастей или инструментов, напр. шархебель, гзымзубль, нашлихтебель и проч., достаточно указывают на ее немецкое происхождение. С особенною тщательностью и в первый раз такую резьбою украшена была брусная столовая изба государя, выстроенная по вымыслу инженера и полковника Густава Декенпина (в 1660 г.)... Разных дел мастера и живописцы, большею частью поляки, призванные в Москву во время польской войны (Степан Зиновьев, Ив. Мирской, Степ. Иванов, Степ. Петров, Андр. Павлов, Юр. Иванов*) с учениками, украшали окна, двери и подволоку (плафон) этой избы искусной резьбой, которую золотили, а плафон расписали. Подобным же образом были украшены и новые деревянные постельные хоромы, выстроенные царем в 1674 г., на трех плафонах этих хором государь велел написать притчи пророка Ионы, Моисея и притчу о Эсфири»**. В таких-то украшенных палатах происходили при царе Алексее пиры на новый лад, с соблюдением, впрочем, и всех древних обрядов московского придворного быта. Вот, например, полное, весьма любопытное описание такого пира, заимствованное из разрядных записок. «1674 г. октября в 28 день было у Великаго Государя вечернее кушанье в потешных в хорамах***. Да у него-ж, Великаго Государя, ели бояре все без мест, да думные дьяки Гаврила Дохтуров, да Ларивон Иванов. У стола стоял крайчей князь Петр Сем. Урусов, да с ним стольник Дмит. Никит. сын Наумов. За поставцом¹⁴⁶ Великаго Государя сидел

* Фамилии поляков звучания русскими, — ничто иное, как умолчание этих фамилий, заменявшихся тогда в огромном большинстве случаев именами и отчествами, переделанными на русский лад.

** Забелин. «Домашний быт русских царей прежнего времени. Отечественные записки. 1851. № 2, отд. II, стр. 172.

*** Потешные хоромы (нынешнее помещение московского комендантского управления в Кремле) выстроены в 1669 году, на дворе боярина Милославского, царского тестя ум. в 1668 г.

боярин и оружничей Богд. Матв. Хитрово, да с ним дворцовые дьяки, да ключники степенные¹⁴⁷ со всех дворцов (хлебного, кормового, сытного). А чашничали перед Великаго Государя и есть ставили ближние люди. Да у кушанья-ж был у Великаго Государя благовещенский протопоп, духовник Великаго Государя, Андрей Савинович*. А перед духовника и перед бояр есть ставили и питье носили стольники ж и ближние люди. А после кушанья изволил Великий Государь себя тешить великими игры, и его, Великаго Государя, тешили и в арганы играли (а играл в арганы немчин), и в сурну, и в трубы трубили, и в суренки играли, и по накром (бубнам), и по литаврам били ж во все. Да Великий Государь жаловал протопопа своего Великаго Государя духовника, и бояр и дьяков думных, которые были у кушанья вечернева, водками, и ренскими и руманею и всякими разными пьтми, и пожаловал их своею государскою милостью: напоил их всех пьяных. А после стола жаловал тож, поил всякими разными пьтми своих государевых стольников и ближних людей. А кушанье у Великаго Государя отошло вечернее, и бояре поехали из города (т. е. из Кремля) и ближние люди в 2 на десять ночи (по теперешнему в 4-м часу ночи или утра)** — Нет сомнения, что ночная «игра в арганы», в царском дворце, да еще в присутствии духовника государева, чего никогда не потерпел бы строгий Никон, отбиравший «арганы» у бояр, — была введена Матвеевым. Но Матвеев в своих новизнах шел еще дальше: заведя у себя домашний театр, с труппою актеров из собственных дворовых людей, он устраивал спектакли и в царских хороммах, о чем свидетельствуют следующие выдержки из документов официальных: 1672 года ноября 2-го, в подмосковном селе Преображенском, «ввечеру Великий Государь ходил в комедию, смотрит действия, как немцы действовали»***. 1674 г., в ноябре, «была у Великаго Государя, в селе Преображенском, комедия, и тешили его Великаго Государя иноземцы, как Алаферна царица царю голову отсекла¹⁴⁸, и по арганам играли немцы, да люди дворовые боярина Артамона Сергеевича. Матвеева»; тогда же, «была у Великаго Государя, в селе Преображенском, другая комедия. А с ним Великим Государем, была государыня царица и государи царевичи и государыни царевны.

* Духовника этого, не дальше, как через 2 недели после царского пира, постигло несчастье: 10 ноября 1674 г. патриарх Иоаким «Великому Государю его протопопово неистовство и невежество и мздоимство многое извещал... держиту себя жонку многое время... что сперва жила с ним по доброте, а опосле жила с ними неволею». Он тогда же запрещен. (См. Дворц. разр., т. III, стр. 1106.

** Забелин. «Некоторые придворные обряды и обычаи царей московских». Моск. губерн. вedom. 1847. № 9, отд. II, стр. 105–106.

*** Выход царей, стр. 563.

И тешили Великаго Государя немцы ж, да люди боярина ж Артамона Сергеевича Матвеева, как Артаксеркс велел повесить Амана по царину челобитью и по Мордахеину наученью¹⁴⁹; и в органы играли и на фиолах¹⁵⁰ и в страменты, и танцовали»; в том же году, ноября 4-го, в селе Преображенском, «была у Великаго Государя потеха, а тешили его, Великаго Государя, иноземцы немцы, да люди боярина Артамона Сергеевича Матвеева, на арганах, и на фиолах и на страментах, и танцовали, и всякими потехами разными»; 1675 г., февраля 11-го, в четверг на маслянице, «была у Великаго Государя комедия в 5-м часу ночи (т. е. в 5-м часу по захождении солнца или, по нашему, в 10-м часу вечера); а тешили его, Великаго Государя, иноземцы, да люди боярина Артамона Сергеевича Матвеева, всякими разными играми. А отошла комедия у Великаго Государя до света за три часа (по нашему, в 4-м часу ночи или утра)»*.

Соблюдение древних порядков московского царского быта, которого, несмотря на новизны Матвеева, продолжали держаться даже в тесном дворцовом кружке, выражалось тем очевиднее в случаях публичных. Одним из таких случаев было торжество 1 сентября 1674 г; — в этот день тогдашнего новолетия, государь объявил старшего сына своего, 13 летнего царевича Федора, которого он, при отправлении действия (церковной церемонии), на Красной площади оказывал всему московскому государству и иноземцам. После «действия» царевич поздравлял отца и патриархас новым годом и говорил речь, а за ним другую речь — царю, царевичу и патриарху — произносил боярин князь Юр. Ал. Долгорукий. В тот же день смотрели царевича, в Архангельском соборе, иноземцы: сыновья малороссийского гетмана Самойловича и посланник литовский, к которым государь посылал боярина Хитрово объявить царевича и сказать: «Вы видели сами государя царевича пресветлыя очи и какого он возраста, так пишите об этом в свои государства нарочно»**. Был соблюден строго один из древних московских обычаев и на Святой неделе 1674 г., когда патриарх с властями, бояре и всяких чинов люди, поднесли царскому семейству, состоящему из 16 лиц, всего 2,359 золотых, а мастеровые Оружейной Палаты представили его царскому величеству собственного изделия: «два стола, один круглой, другой четырехугольной, писаны по золоту разными красками. Блюдо, а на нем два гребня круглых прорезных. Доска, на одной стороне нарезаны саки, а на другой бирки. Два опахала, павлиныя перья, да два опахала

* Забелин. «Некоторые придворные обряды и обычаи царей московских». Моск. губ. вед. 1847. № 9, стр. 106–107.

** Соловьев. Истор. России. Т. XII, стр. 327. Изд. 1870.

отласных червчатых»*. Наконец, личное уважение царя Алексея к русской старине выразилось всенародно 6 августа 1674 г., когда «Великий Государь указал: князя Андрея княж Михайлова сына Кольцова-Мосальскаго из стряпчих написать по Жилецкому списку, за то, что он на голове волосы у себя подстриг. А стольникам, и стряпчим, и дворяном московским и жильцам указал Великий Государь свой Государев указ сказать, чтоб они иноземских немецких и иных извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не подстригали, також и платья, кафтанов и шапок, с иноземских образцов не носили, и людем своим потому ж носить не велели. А будет кто впредь учнет волосы подстригать и платье носить с иноземнаго образца, или такоеж платье объявится на людех их, и тем от Великаго Государя быть в опале, и из вышних чинов написаны будут в нижние чины»**.

Замечательный указ этот был одним из самых последних распоряжений царя Алексея Михайловича, который, ночью под 30 января 1676 г., умер в Москве на 47 году от рождения, благословив царствовать старшего сына своего, невступно, 15 летнего¹⁵¹ царевича Федора.

IX

Характеристика царя Алексея Михайловича и его царствования

Характеристика царя Алексея Михайловича видна в его государственной деятельности, домашней жизни и отношениях к людям. Глубоко религиозный, живой, впечатлительный, способный быть нежным другом и опасным врагом, тихий, вообще («тишайший», как величали его льстецы), но, в тоже время, строгий, а иногда, «смиривший» (бывавший) собственноручно провинившихся, милостивый, даже слабый, к своим «ближним людям» и мстительный недругам, мягкий и жестокий, сочинитель забавного «Урядника сокольничья пути» и учредитель страшного приказа «Тайных Дел» — царь Алексей Михайлович представляет личность, полную двойственности весьма типичной. К этому должно прибавить, что царь Алексей, любивший читать и, в особенности, писать, пробовал даже писать стихами. Образчик такого рода представляет, например, следующее послание его к князю Григ. Григ. Ромадоновскому: «Повеление всесильнаго и великаго, и бессмертнаго, и милостиваго царя царем и государя государем, и всех всяких сил повелителя,

* Забелин. «Некот. придев. обряд. и обычаи цар. моск.». Моск. Губ. Ведом. 1849. № 15, стр. 149 и 152.

** Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. Т. I. № 607. (Изд. 1830).

Господа нашего Иисуса Христа. Писах сие письмо всемогущий царь Алексей рукою своею:

Рабе Божий, дерзай о имени Божии
И уповай всем сердцем: подаст Бог победу!
И любовь и совет великий имей с Брюховецким
А себя и людей Божиих и наших береги крепко
От всяких обманов и льстивых дел. И свой разум
Крепко в твердости держи. И рассматривай
Разныя дела великою осторожностью,
Чтоб писари Захарки с товарищи чего не учинили
Также как Юраско над боярином нашим
И воеводою над Васильем Шереметевым, также и над боярином
Нашим и воеводою князь Иваном Хованским, Огинской князь
Учинил. И имай крепко опасенье и аргусовы очи¹⁵² по всяк час,
Беспрестанно в осторожности пребывай и смотри на все
Четыре страны. И в сердцах своем великое пред
Богом смирение и низость имей,
А не возношение, как нехто ваш брат говаривал:
«не родился де такой
Промышленник, кому бы ево одолеть с войском»
И Бог, за превозношение его со всем предал в плен»*.

Как государь, Алексей Михайловичу в течении своего тридцатилетнего царствования, увеличил Россию территориально**, раздвинув ее и в Европе и в Азии*** ближе, чем все его предшественники, и знакомился с государствами иноземными, разумеется, не лично, но через послов****; уберег власть царскую от совместничества власти

* Соловьев. Ист. России. Т. XII, стр. 336–337.

** Все пространство российских владений, при воцарении Алексея Михайловича, заключало себе 225,914 квад. миль; а через год после его смерти — 263,828 кв. миль. Следовательно, он приобрел 37,914 кв. миль.

*** В Европе царь Алексей присоединил к своим владениям Малороссию и Смоленск, всего 2,914 кв. миль; в Азии — Алтайский хребет, берега Телецкого озера, наконец, весь юго-восточный край Сибири от Нижне-удинска и Иркутска через Селенгу, до Амура, и от Нерчинска, чрез Яблоновой хребет до берегов Восточного океана, всего 35,000 кв. миль.

**** Царь Алексей Михайлович имел дипломатические сношения с следующими державами и державцами: а) в Европе — с Данией, Швецией, Польшей, Австрией, Францией, Голландией, Англией, Испанией, Папой, владельцами итальянскими, городами Гамбургом и Любеком, курляндским герцогом, Саксонией, курфюрстами немецкой империи. Молдавией, Валахией, Голштинией, Крымом, Турцией, Грузией, черкасскими, кабардинскими, нагайскими мурзами и калмыцкими тайшами; б) в Азии — с селенскими и армянскими патриархами, Персией, Индией, Китаем и Бухарией.

патриаршей, которая в силу отношений царя Михаила к патриарху Филарету, как сына к отцу духовному, грозила со временем налечь на Россию ярмом, в роде панства; наконец, в смысле административном, царь Алексей заготовил все те материалы, из которых гениальный сын его, Петр, мог соорудить громадное здание своей реформы.

Со всем тем, на Руси Алексея Михайловича, в течение его 30 летнего царствования, жилось хорошо разве только людям высокопоставленным, — да и то не всегда: «Бояре и окольные люди — говорит самовидец¹⁵³ — приезжают к царю челом ударить с утра рано на всякий день; и приехав, в церкви или в палате, увидев царя, кланяются перед ним в землю; *а котораго дня они бояре в приезде своем запоздают, или по ним посылает (царь), а они будут к нему не вскоре или что малое учинят не по его мысли, и он на них гневает словам и, или велит из палаты выслать вон, или посылает в тюрьму;* и они за свои вины потому ж кланяются в землю, многожды доколе простит... А которой бы боярин... учинил через силу, чтоб *на царский двор ехать на лошади*, хотя без самага царя, а емуб о том ведомо учинилось, — и егоб скоро за то велел *послать в тюрьму*, до указу своего, и *честь его отнята б была*»*. Все остальные сословия — далеко не благоденствовали, не потому только, что «Российскаго государства люди — говорит тот же самовидец — породю своею спесивы и необычайные ко всякому делу, понеже в государстве своем научения никакого добраго не имеют и не приемлют, кроме спесивства и бесстыдства и ненависти и неправды»**, но не благоденствовали они, не высокопоставленные сословия, еще больше вследствие отсутствия понятий о личности и уважения к ней. Идея государственности, на московский лад, т. е. идея царства московского, воплощенного в лице царя, не допускала развиваться никаким другим представлениям, даже юридическим, не говоря о философских. Надобностям, по тогдашнему разумению, государственным, на самом же деле, московским, приносились в жертву все другие надобности не только лиц, но целых общин, уступались священные права знания, труда и промысла, которыми, в ущерб лицам и общинам, пользовалось одно правительство, когда бы того ни пожелало. Так, при Алексее Михайловиче, вызывались отовсюду

* Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 1840, стр. 22–23.

** Котошихин. стр. 41. Такой приговор самовидца — патриотам нравится не может и они приписывают его «явному озлоблению против своего отечества». Но из памятников того времени оказывается, что Котошихин прав больше, нежели озлоблен.

в Москву: в 1646 г. — «каменьщики и кирпичники для церковного, дворцового и городского дела»^{*}; в 1653 г. — «кузнецы, для кузнечных скорых дел»^{**}; в 1655 и 1658 гг. «мастера мушкетные, станочные, замочные, заварщики, портные, скорняки»^{***}, «для мушкетного дела» или «для дел приказных» и «крымской клади»^{****}. Вызовы эти, касавшиеся всех городов с уездами, всех сел — дворцовых, духовенства и монастырских, всех вотчин и поместий — боярских, дворянских и т. п. производились под условием «поручных записей» от городов, сел, вотчин и владельцев в том, что их мастера «станут к Москве на срок» будут дело свое отправлять «без всякаго мотчанья» (медления) и, до окончания работы, «с Москвы не сойдут». — «Так — замечает один исследователь — царство русское, не знавшее corporatosetcollegiatos (корпораций и товариществ) Рима, *помогало себе*, в числе и количестве ремесленников, *натуральною повинностью русских общин*»^{*****}. Эта «помощь себе», разумеется, не доставляла прибытка самому ремесленнику, который в постоянном ожидании вызовов к Москве или «стоя на сроке», — благоденствовать не мог. В видах той же «помощи себе», правительство московское, в 1662 г., рассылало по волостям сохи, сошники и косули¹⁵⁴, для улучшения земледелия, которое, однако, едва-ли улучшалось, потому что население сельское, главою XIX Уложения 1649 г., лишенное права торговли, а указами из Москвы, обязанное высылать всех своих ремесленников «на сроки», бежало «врознь» или — как писали тогда в челобитных — «шталось меж дворов». «Лучшие земли в России — свидетельствует иноземный самовидец 1659–1666 гг. — приносят ныне весьма мало, ибо им не дают отдыхать, а недостаток в людях причиною тому, что другие лежат необработанные. Путешествуя по Волге, находите в иных местах, на расстоянии 500 верст, по десяти женщин и одного мужчину с ними»^{6*}. Из сословий не высокопоставленных, могло бы находиться в положении сравнительно лучшем сословие торговое, с 1648 г. исключительно «государство»^{7*}, делившееся, по Котошихину, на классы: 1) *гостей*, лиц выборных, всего до 30 чел. с капиталом

* Акты Археографической Экспедиции, т. IV, № 4.

** Там же, № 62.

*** Только портных, с 1658 г., вызывали не всех, огулом, а 1 с 10 чел.

**** Там же.

***** Лешков. Очерк древних русских законов о ремесленной и заводской промышленности. Москвитянин. 1852, № 23. Отд. III, стр. 12.

6* Коллинс. Нынешнее состояние России. Русск. вед. 1841 № 7, стр. 177.

7* Акты Археогр. Экспед., т. IV, № 32.

от 20 до 100 тыс. руб. и правом приобретать вотчины; 2) *купцов гостиной и суконной сотни*, до 200 чел., служивших в качестве товарищей при гостях, но без права владеть вотчинами, 3) *торговых людей*, без прав службы, владения вотчинами, винокурения и пивоварения, 4) *посадских* торговавших собственными изделиями*.

Но вот что говорит о способах русской торговли того времени, также самовидец, некто Крижанич¹⁵⁵, родом хорват, не только живший долго в России, но, при Алексее Михайловиче, сосланный, неизвестно за какую вину, в Сибирь: «Россия имеет мало мест для торговли (таким считает Крижанич: Новгород, Псков, Архангельск), и ей нужно их больше, а никто их не может устроить без царской силы. Не имеет она золота, серебра, меди и проч. Не имеет дорогих камней, бисера, кораллов и красок, а однако их хотят употреблять даже бедные и простые люди. Не имеет сахара, шафрану, перцу, гвоздики, орехов, корицы, инбиря, мирры, ладона, муската и других приправ и благовоний. Не имеет масла, вина, изюму, миндалю, смокв, лимонов, больших орехов, каштанов, слив, бресков, котуны и других овощей. А главное, не имеет вещей, крайне нужных, т. е. сукон и других материй для платья, или шерсти, шелку, бумаги. Лишена земля и камня и хорошего леса для построек, и доброй глины для посуды. Разум нашего народа туп и тяжел, люди неискусны ни в торговле, ни в земледелие, ни в домашнем хозяйстве. Русские, ляхи, все славянское племя, вовсе не знают отдаленной торговли, ни по морю, ни посуху. Самой арифметике и численной науке не учатся наши торговцы. Оттого иноземные торговцы легко нас перехитряют и надувают нещадно во всякое время, и больше потому, что везде по России живут и наши товары скупают по дешевым ценам. Можно было бы это терпеть, когда бы и наши у них жили и также дешево закупали; но наши у них не живут, и никак не могут жить по своей природной неспособности и тупому разуму, а в особенности, ради немецкой зависти и злобы, которую многие из наших отведали. Пути в такой широкой державе долги и трудны от болот и лесов, и опасны от крымцев, нагайцев, калмыков и других разбойнических народов. А обильна эта земля только мехами и коноплей и, с некоторого времени, золой от выжигания полей. А медь, воск, икра, пшеница, рожь, лен, кожи и остальные товары вывозятся отсюда не от изобилия их, но по нужде и от иноземных обманов; и мы при этом сами лишаемся плода своей земли и терпим скудость»***.

* О России и царствование Алексея Михайловича, стр. 111–112.

*** Русское государство в половине XVII века. Приложение к № 1 «Русской беседы». 1850, стр. 8–9.

Наконец, правительство царя Алексея Михайловича, «помогая себе», прибавило к стрельцам — войску пешему, но постоянному, учрежденному царем Иваном IV Васильевичем Грозным — войско конное, также постоянное. В прежнее время, каждый, владевший помещьем известного размера, обязывался, по требованию правительства, звавшего на войну, выезжать «конен» (верхом) и «оружен». Но характер кавалерии, времен Алексея Михайловича, как войска постоянного, имевшего присвоенную ему форму одежды, доказывается документом, найденным недавно в делах вологодской консистории. Из документа этого видно, что русский кавалерист времен Алексея Михайловича был одет так: кафтан, или зипун, из сукна зеленого и лазоревого; ожерелье (воротник) обшито столбцами или веревками; подбой кафтана крашенина травчатая, штаны суконные зеленые; на голове шапка, на руках рукавицы, на ногах сапоги; поверх кафтана белая епанча¹⁵⁶; вооружение — карабин и пара съезжих пистолей с ольстрами^{*157}.

Нет, однако, сомнения, что в царствование Алексея Михайловича, из всех не высокооставленных сословий, хуже других приходилось крестьянству, на котором тяготели окончательно немногие выгоды прочих сословий. И крестьянин, с горя, пил, — чем единственно уравнивался он со всеми своими земляками, каких бы сословий те не были. «Самое величайшее наслаждение русских в праздничные дни — говорит иноземный самовидец, нами уже цитированный — порядочно выпить; и потому в большие праздники бывает в Москве много беспорядков в народе. У русских не почитается за стыд, во всех званиях, явиться на улице подгулявшим весьма с излишком. Если почетный человек давал пир, то на другой день посылает главногослужителя ко всем гостям узнать: попалили они домой и каково провели ночь? обыкновенный ответ на такую вежливость состоит в том, что благодарят за хорошее угощение, присовокупляя, что так все были сыты и пьяны, что не знали, как и домой пришли»******. «Огромные доходы получают от кабаков или питейных домов, в которых по всему государству продаются: водка, мед и пиво» — свидетельствует другой иноземный очевидец*******. Но крестьянин времен Алексея Михайловича не ограничивался одним вином: он тогда уже

* Суворов. Для истории военного дела в России. Архив Калачева. 1860–1861, кн. IV, стр. 47–49.

** Коллинс, Нынешнее состояние России. Русский вестник. 1841, № 7, с. 171.

*** Рейнтенфельс: Извлечение из сказаний о состоянии России при царе Алексее Михайловиче. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1839. № 7. II. с. 32.

курил табак, который нюхалии крестьянки^{*}. Весьма любопытный документ об этом, сохранившийся в «Письме крестьянина помещика Лачинова к господину», гласит следующее: «челом тебе, государь батюшка, бью низехонько, Иван Васильевич, — я крестьянишка твой убогий Стенька Боровин. Велел ты мне, государь, за отчинкою твоею Самбором смотреть и я, господине, по силам своим, смотрю. А ныне на отчинке твоей грех и соблазн приключился великий, и мне того греха, крестьянишке убогому, не порешить. Приезжал к нам, по Иванове дне, с Шатцка посадский человек Петрушка Захарчин, и стал он на Кириловом, твоего крестьянишки, дворе; и соблазн учинил великой, и стал табак зелие проклятое курить. А такого, государь, срама у нас не водилось. Слышно нам, на других сторонах той скверный обычай табак курить многие посадскиелюди и торговые завели; а у нас того богопротивного обычая до сей поры не токмо видно, а и слышно не было. — Ныне молвить страшно — и у нас, государь, на твоей на отчинке, от того проклятаго Петрушки обычай той завелся, и твои государевы крестьяне: Кирило Собакин, да Семен Ерофеев, да Антон Белобоков, да того Антона сын Петрушка, да Савельев Алешка, да Жуков Макар, чуть не в явь той табак курят, и я их, государь, к попу нашей отчинки отсылал — и потом не унялись, и побил я их, государь, по данной мне, государь, тобою волюшке, батожем; и унялись они на время мало, а ныне униматься не хотят. И бабы, государь: Жукова Макара жонка Оленка, да дочка ее Степанидка, той табак зелье проклятое в нос себе пихают; и я их унимал, а оне меня скверно ругают. А того посадскаго человека Петрушку с твоей отчинки я согнал с безчестьем, и на того посадскаго человека грамотку известную в Шацк спосылати хотел; а ведомо мне стало: той посадской человек у гречан торговых людей табак закупает, и те гречане, Шатцким начальным людям посулы дают великия, и много людей не мелких той табак скупают и курят, и как бы мне с своей грамоткой ответчиком не стать. И что укажешь, государь, по тому делу, тому так и быть. А мне, государь, больше делать нечего и не в мочь; крестьян твоих, государь батюшка, унять не могу: ино они уймутся, а курят потом пуще прежняго и меня не слушают. А с тем, государь, табаком проклятым не подпасть бы нам Божью да государеву гневу, и вовсе не загинуть; и без того гре-

* Граф Карлейль, посол в Москве от Карла II короля английского (1663–1664), говорит об употреблении табаку в России следующее: «Употребление табаку запрещено в России 1654 г., но несмотря на то, все россияне весьма охотно употребляют табак, особенно курительный, дымом коего они до того затягиваются, что падают часто в обморок: а нюхательный держат в рожке».

хов на нас много: старинный обычай по правде не держим, хуже творим. А ты на меня, государь, не сердчай; а я тех крестьян унимал и служил тебе во всем верно. А гречишку твою продал я не за 30, а за 33 рубли, и те деньги тебе с Трошкой посылаю. И в чем противу тебя согрешил и не смысленно сделал, то мне милостиво прости и решение твое о табашниках с Трошкой прикажи. А я твои ручки и ножки целую и твой Степка Боровин 100 веки холопишка верный. Сентября 4, 1661 г.»*.

Заклучим наш очерк описанием похорон царя Алексея, которое иностранный самовидец излагает так: «Тело великого царя Алексея Михайловича, в самый день смерти, в девятом часу, вынесено в соборную церковь почти следующим порядком: впереди 4 боярина несли крышку гроба: за ними следовали также 4 боярина** с гробом на золоченых носилках, покрытых золотым покрывалом; наконец, царя Федора Алексеевича и овдовевшую царицу Наталью, несли на седалищах также по 4 боярина. У царицы лицо было закрыто и голова склонена на грудь какой-то благородной даме***. Сзади шли в трауре 5 царских дочерей от первого брака. Когда народ увидел это шествие, то у всех вырвался такой ужасный стон, раздалось такое рыдание, как будто бы над ушами загремело несколько колоколов самым пронзительным звоном. Это был плач растерзанных сердец. Русские потеряли благочестивейшего и милостивейшего из царей, которому подобного не знали. Такая скорбь подданных для государей славнее всех мавзолеев. Тело Алексея стояло во храме 7 дней; в это время над гробом постоянно совершалось молитвословие, а во дворце ежедневно был стол для бедных»****.

* Москвитянин 1852. № 14. Историч. материалы, стр. 1–2.

** Тут иноземец ошибается, называя боярами стольников.

*** Царицу, по свидетельству разрядных записок, «несли в саях дворяне, а сани были обиты сукном черным и на государыне царице покров был суконный черный же. А за нею... шли боярыни, и кравчей, и казначей верховы и иных чинов женского полу в черном ж платье» Дворц. Разр. т. III с. 1643.

**** Рейтенфельс, стр. 17–18.